

Государственное
издательство
литературы и архитектуры

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛИТЕРАТУРЫ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ И АРХИТЕКТУРЕ
МОСКВА 1957

АКАДЕМИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ СССР
ИНСТИТУТ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ И СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

8

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. ВОРОНИНОЙ, О. ХАЛПАХЧЬЯНА,
Ю. ЯРАЛОВА

Добыча и оцифровка: Хоттабыч

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛИТЕРАТУРЫ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ И АРХИТЕКТУРЕ
МОСКВА — 1957

ГОРОДИЩЕ ДРЕВНЕГО ПЯНДЖИКЕНТА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИСТОРИИ ЗОДЧЕСТВА

В. Л. ВОРОНИНА

На левобережье Зеравшана, там, где река вырывается из теснящих ее хребтов на равнину, лежит Пянджикент, центр одноименного района Таджикской ССР. За его южной окраиной раскинулся мертвый город, когда-то один из главных культурных центров Согда, резиденция известного по письменным источникам местного правителя Диваштича. Время превратило глинобитные и сырцовые сооружения города в скопление мягко очерченных бугров, трудно отличимых от естественных возвышений холмистого ландшафта. Тем не менее контуры стен читаются довольно ясно, а если подняться к вечеру на цитадель, косые лучи заходящего солнца помогают глазу уловить рельеф городских домов и далеких загородных усадеб.

Некоторые особенности заставляют отвести пянджикентскому городищу особое место среди археологических памятников Средней Азии.

Значение древнего Пянджикента как археологического объекта определяется прежде всего тем, что городская жизнь была оборвана в нем почти мгновенно каким-то трагическим событием. Городище является поэтому цельным комплексом, отражающим определенный исторический момент, с нетронутым культурным слоем и ненарушенными строительными остатками, где нетрудно проследить принципы планировки и конструкции. Но эта ценная особенность, хотя и довольно редкая сама по себе, не исчерпывает значения городища для среднеазиатской археологии.

Не менее существенным является то обстоятельство, что городище воплощает облик раннефеодального города VII—VIII веков, «шахристана» или «медины» письменных источников. Здесь представляется возможным проследить формирование города Средней Азии на рубеже рабовладельческой и феодальной эпох. Эта фаза развития среднеазиатского города оставалась до последнего времени фактически неосвещенной, и не будет преувеличением сказать, что ее изучение открывается именно раскопками древнего Пянджикента, который, по удачному выражению Л. Ю. Якубовского, является «своеобразной ла-

бораторией» для решения поставленной задачи [1].

Далее значение городища заключается в том, что застройка его представляет собой исключительный по сочетанию комплекс типов сооружений, из которых одни получают дальнейшее развитие, другие, напротив, отмирают. Некоторые из этих типов впервые достоверно установлены для Средней Азии именно раскопками Пянджикента, — таков домусульманский храм. Впервые мы знакомимся здесь и с обликом раннесредневекового городского жилища, где ясно заметна дифференциация построек соответственно социальному положению их обитателей; ему противопоставляются жилая башня цитадели и тип сельской загородной усадьбы. Возникает реальное представление о погребальных постройках — наусах. Пополняются сведения о приемах городской фортификации. Все это многообразие обнаруживает черты то общетипические для Средней Азии, то уникальные, чисто местные, и обогащает историю среднеазиатского (да и не только среднеазиатского) зодчества.

Наконец, постройки древнего Пянджикента обладают прекрасными архитектурными деталями, дают подробные сведения по строительной технике, наделены богатым декором и позволяют узнать много нового в области архитектурного орнамента, приемы которого отчасти предвосхищают формы позднейшего декоративного искусства Средней Азии.

Таким образом, систематическое изучение городища Пянджикента дает чрезвычайно благодарный материал. После десяти лет изучения городища полезно подвести итог исследованию его архитектурных памятников, которые представляют большой интерес для истории зодчества [2]. Этой задаче и посвящена предлагаемая статья. Автор при этом отнюдь не ставит целью дать подробное описание открытых памятников, которые читатель найдет в публикациях трудов Таджикской археологической экспедиции [3], но кратко суммировать наблюдения истекших лет и уяснить по возможности, что нового и ценного вносят они в историю зодчества.

1. ПЛАНИРОВКА ГОРОДА

До последнего времени фаза формирования феодального города Средней Азии была представлена в археологии описанием обвалованных стен и подъемного материала городища без постановки многолетнего стационарного изучения. В этих условиях выявляется лишь общий характер плана — конфигурация городских стен, местоположение цитадели и главных улиц. Иногда можно говорить с уверенностью только о контурах плана. Структура застройки и типы зданий внутри городских стен оставались неизученными.

Раскопки древнего Пянджикента представляют собой первый серьезный опыт археологического изучения среднеазиатского города периода сложения феодальных отношений. Особое значение городища в этом смысле подчеркивает ряд исследователей [4]. Раскопки города открывают шаг за шагом содержание городской застройки с жилыми кварталами, культовыми комплексами и, повидимому, даже общественными сооружениями. В результате уже теперь некоторые вопросы формирования феодального города Средней Азии становятся на реальную почву.

Город состоял из шахристана, цитадели, пригорода и некрополя (рис. 1).

Шахристан примыкает к обрыву плато, куда сбегает мягким холмистым рельефом отроги Зеравшанского хребта. Образующие неправильный полигон крепостные стены шахристана были снабжены башнями и прорезаны тремя воротами — с юга, запада и, повидимому, с востока (близ обрыва). Главными воротами были южные, широкие и защищенные далеко выступающей башней; с этой стороны видно также уширение подошвы стен в виде ступеньки-бермы, а также крепостной ров. Меж бугров застройки извиваются две главные улицы, сходящиеся у важного городского комплекса, который своим рельефом прежде всего остановил внимание исследователей и с которого начались раскопки. Здесь оказались два храмовых здания с дворами, надворными постройками и прилежащими площадями. Вслед за тем были начаты раскопки ряда построек жилого назначения (семь отдельных объектов). Шахристан снабжался водопроводом из гончарных труб «кубуров», которые обнаружены во дворе здания II.

Цитадель стоит отдельно западнее шахристана. Выгодно расположенная на плече большого холма, она прикрывала основные подступы к городу. Основное ядро цитадели составляли квадратный двор (примерно 45×45 м) и жи-

лая башня-донжон — «кешк» в юго-восточном его углу, поднятые на искусственную платформу. К этой группе с трех сторон примыкали внешний двор и широкий пандус, обнесенные глинобитной стеной. Композиция цитадели с постепенным подъемом пандуса и дворов напоминает в общих чертах зиккурат. Высота цитадели до подошвы стен донжона достигает примерно 30 метров от уровня грунтовой дороги, огибающей ныне цитадель и южные стены шахристана. Несколько выше цитадели на плече холма была сторожевая башня, откуда просматривались шахристан, пригород, подступы к городу и широко разветвленная система оборонительных стен по склонам холма южнее и западнее цитадели. У подножия цитадели видны остатки какого-то крупного здания (может быть каравансарая?), а рядом выбивается полноводный ключ Кайнарсу, водой которого, вероятно, цитадель некогда снабжалась.

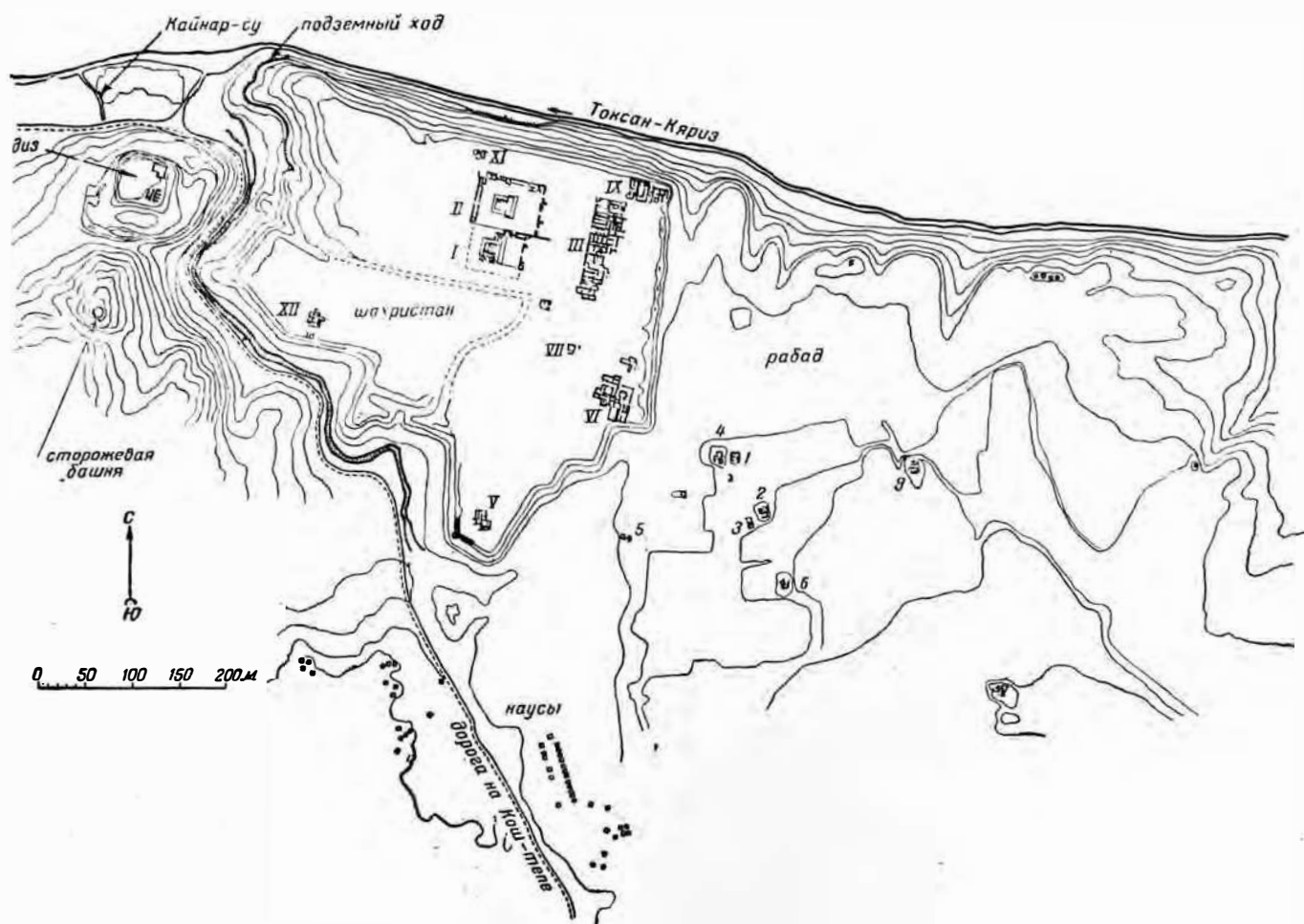
Восточнее шахристана разбросаны группами и в одиночку пригородные усадьбы, а далее, к югу и востоку, широко раскинулся некрополь. Современный и древний Пянджикент разделены арыком Токсан-кариз, протекающим у подошвы плато.

По размерам городище невелико: периметр шахристана равен 1,64 километра, а площадь — до 13 гектаров; общая площадь вместе с цитаделью составляет около 14 гектаров.

Материал, полученный при обследовании и раскопках городища, может послужить критерием для оценки существующих взглядов на формирование феодального города Средней Азии.

Прежде всего — о топографии города.

В свое время на основании первоисточников В. В. Бартольд определил структуру феодального среднеазиатского города как трехчастную, имея в виду основное дофеодальное городское ядро, или «шахристан», цитадель — «диз» и нарастающий ремесленный пригород «рабад» [5]. Археологические открытия последних лет дают повод возразить против универсальности этой схемы [6]. В условиях кочевого хозяйства Семиречья сложился тип бесцитадельных одночастных городов [7]. Структуру древнего Пянджикента, как и некоторых других городов (Рамитан), можно рассматривать с учетом некрополя как четырехчастную. Однако при известных отклонениях в сторону уменьшения или увеличения числа слагаемых города едва ли можно оспаривать трехчастную схему как основную тенденцию формирования средневекового города Средней Азии.

1. План городища древнего Пянджикента

Цитадель — «диз», город — «шахристан», пригород — «рабад» и некрополь — «наусы»

Надо, впрочем, добавить, что понятие «рабад» является для VII—VIII веков довольно условным, поскольку он не всегда окружен стенами. Пригород Пянджикента представлял собой, по-видимому, неогороженное пространство, где были рассеяны жилища полусельского характера с просторными земельными участками. Очевидно, этот пригород представлял собой начальную стадию образования рабада как локализованной и укрепленной части города.

В расположении отдельных частей города интересна взаимосвязь цитадели и шахристана. Цитадель чаще примыкает к стенам шахристана, иногда заключена внутри стен; случаи полного отделения цитадели в археологической практике редки, и среди известных ныне памятников можно привести в качестве аналогии лишь южно-туркменистанскую раннесредневековую Хосровкала [8]. Однако письменные источники свиде-

тельствуют, что в свое время этот тип города был достаточно распространенным; таковы были доарабская Бухара, Ахзи, таков был, по Мукаддаси, Бунджикат, отождествляемый с нынешним Ура-Тюбе [9].

Относительно самого шахристана трудно установить какие-либо общие закономерности. В. А. Лавров считает характерными для него неправильный контур стен с ориентированными на четыре стороны воротами через которые осуществлялась связь города с районами и которые соединялись скрещивавшимися в центре улицами [10]. Однако по первоисточникам известно, что небольшие города имели всего двое, а иногда и одни ворота; кроме того, многое зависело от конкретных условий — местоположения города, его окружения, рельефа, и правильное скрещение улиц практически наблюдается редко. В данном случае оно не могло иметь места, так

как одна из стен города граничит с обрывом и лишена ворот (местоположение Пянджикента в этом смысле сходно с древними Термезом и Самаркандом); кроме того, ворота Пянджикента были неравноценны по значению, а следовательно, то же можно сказать и о его улицах. Что касается застройки города, то в этом отношении принято опираться на свидетельство Наршахи, который сообщает о доарабской Бухаре: «Среди города были замки, и некоторые кварталы были отделены и удалены один от другого, подобно селениям» [11]. Однако нельзя сказать, чтобы картина застройки древнего Пянджикента в том виде, как ее открывают раскопки, близко соответствовала описанию Наршахи: вместо изолированных усадеб-замков мы видим внутри городских стен слитные комплексы жилых ячеек, плотно примыкающих друг к другу. Здания III, VI и IX дают образец застройки, плотность которой намного превосходит плотность застройки позднесредневековых городов Средней Азии. Вместе с тем планировка города обнаруживает известные градостроительные закономерности, как показывает регулярный храмовый ансамбль с дворами, площадями и противлежащим жилым кварталом с выровненной линией западного фасада. Типы зданий говорят о жизни интенсивной и многогранной: здесь различаются жилища разного достатка, культовые и даже общественные здания. Думается, что торговля была вынесена в основном за стены шахристана, и рынок (типа ярмарки) раскидывался у подножья цитадели, близ постройки, которая могла быть предположительно каравансараем. Расположение рыночной площади вне шахристана, у его ворот, было, видимо, обычным для городов VII—VIII веков (например, Бухара) [12].

Таким образом, при наличии некоторых общих особенностей формы планировки городов раннего средневековья весьма разнообразны. Еще более многообразны пути сложения феодального города.

До последнего времени в литературе господствовала теория концентрации города вокруг усадьбы феодала, рисуемая процесс в трех стадиях: 1) образование у стен замка посада, 2) преобразование посада в шахристан и 3) нарастание рядом с шахристаном ремесленного пригорода — рабада [13]. Эта теория объясняет, однако, лишь один из путей формирования города и слишком узка в качестве общего правила. Изыскания последних лет показывают, что в качестве организующего центра мог выступать и «рабат» — военный пост, выполнявший также функции каравансарая и служивший узловым

пунктом товарообмена; возможен и вариант использования в средние века оболочки стен античного города и т. д. [14]. По мнению А. Ю. Якубовского, Пянджикент представлял собой религиозный центр — средоточие святынь всей округи, и мощный культовый комплекс мог вызывать концентрацию городского поселения. Нам представляется более веской причиной расположение Пянджикента как пункта торгового обмена на караванном пути из горных долин в Самарканд и другие города, также отмеченное А. Ю. Якубовским [15].

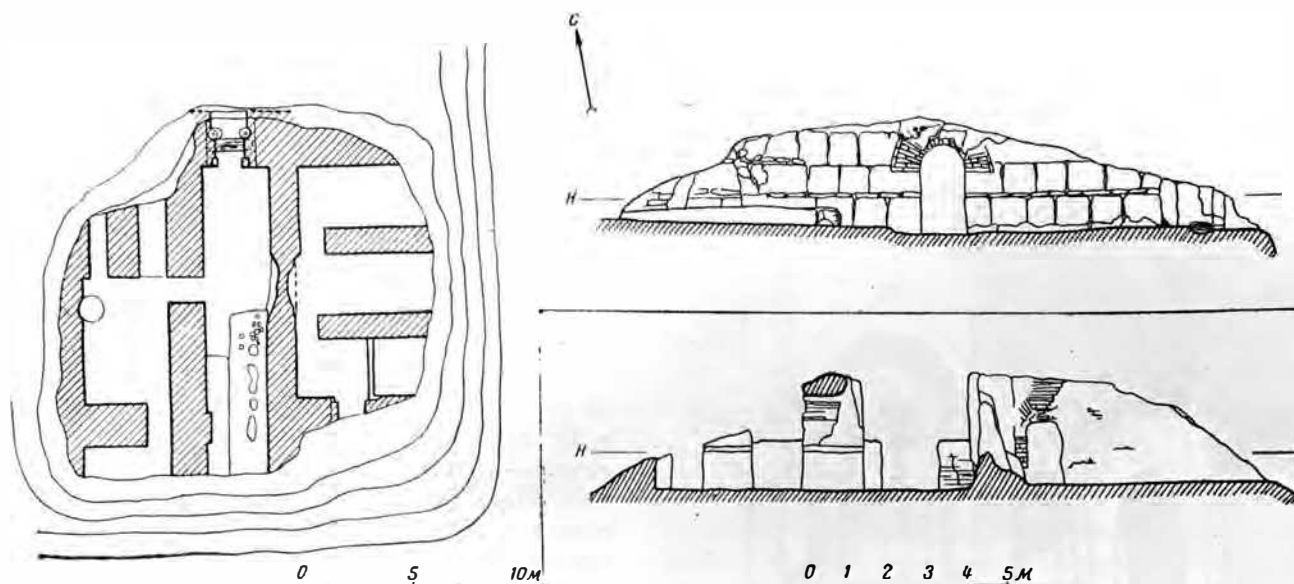
Таким образом, своеобразная и четкая общая структура древнего Пянджикента дает большой материал для понимания фазы сложения феодального города. Не меньший интерес представляют отдельные здания города, где в многообразии форм воплощены различные оттенки социальных отношений, различные стороны материальной и духовной жизни общества.

2. ЖИЛЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Раскопки Пянджикента впервые дали возможность судить о застройке жилых кварталов раннефеодального города Средней Азии и соотношении их с местным типом загородного дома. Постройку цитадели можно выделить в качестве оборонного типа жилища.

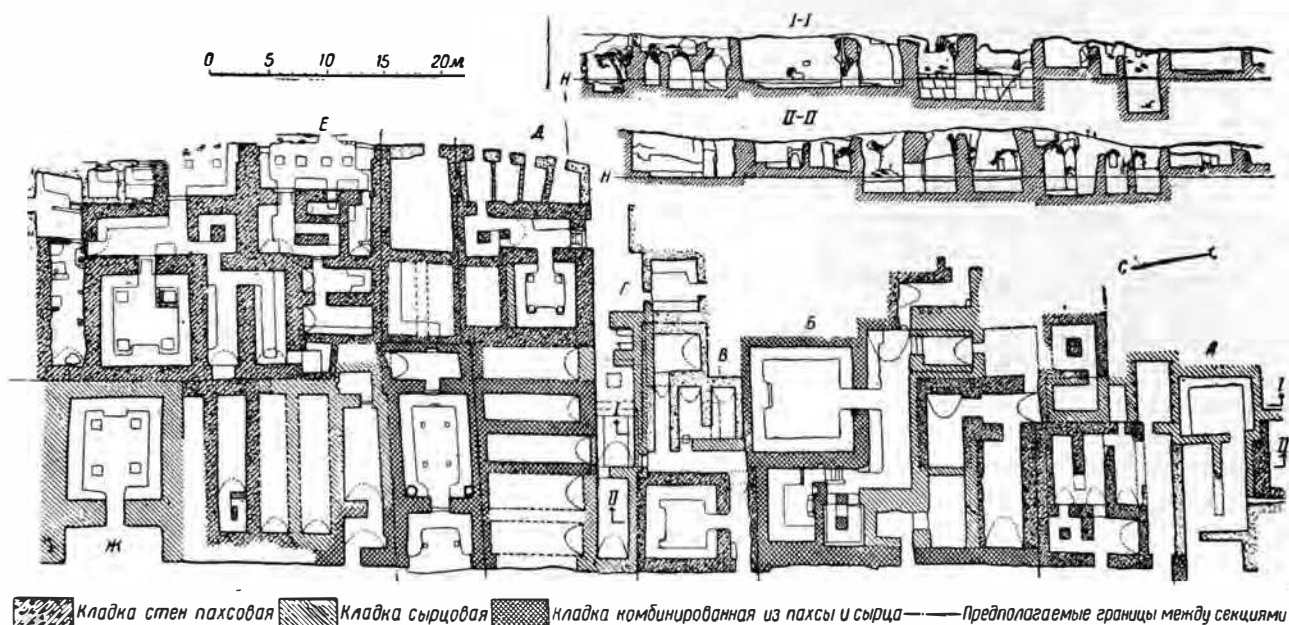
Жилая башня цитадели была первым открытым на городище жилым сооружением. Она представляла собой в плане квадрат (примерно 20×20 м), разрезанный коридором на две части (рис. 2). В западной половине находились большое прямоугольное помещение и пандус для подъема в верхний этаж или на кровлю. Восточная половина состояла из ряда удлиненных сводчатых комнат, связанных вдоль торцов проемами. Вся отделка ограничивалась глиносаманной штукатуркой. Это была всего лишь жилая башня, а отнюдь не дворец, как ее называет А. Ю. Якубовский [16], и даже не замок правителя; едва ли последний мог довольствоваться в качестве постоянной резиденции помещением столь скромным по сравнению с богатыми жилыми домами шахристана. Жилая башня выходила северной и западной сторонами во внутреннее укрепление (см. выше) — двор, заполненный жилыми и хозяйственными постройками.

Городской жилой дом. Восточные кварталы пянджикентского шахристана с их монументальной застройкой безусловно были заняты жилищами аристократии и придворной знати.

2. Жилая башня цитадели. План и разрезы

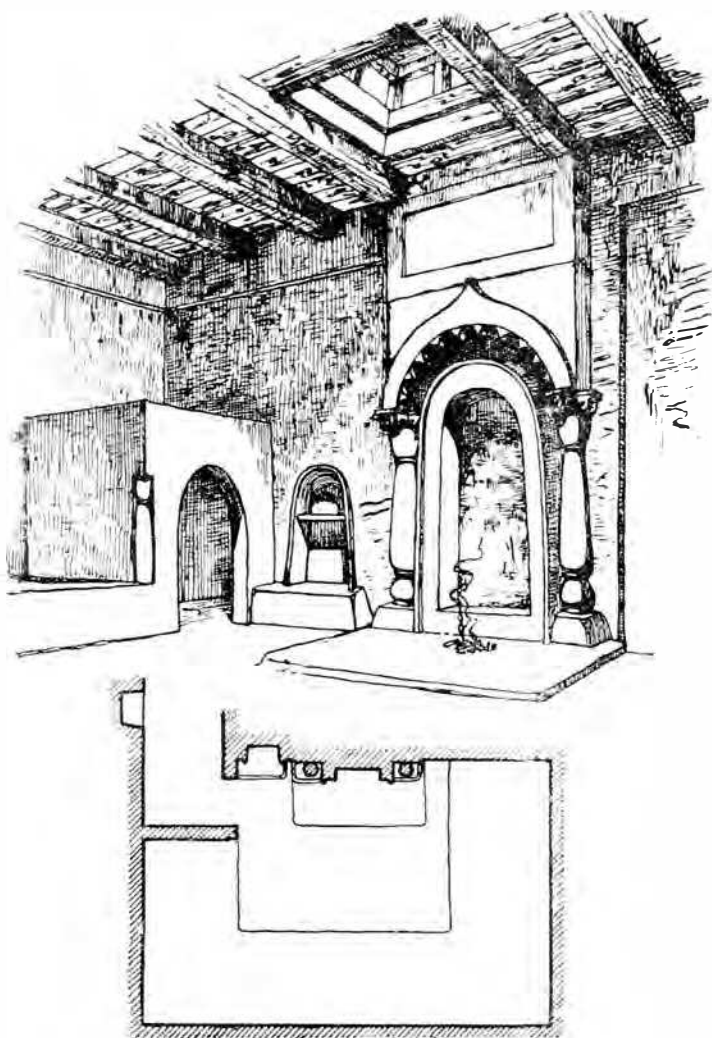
Обмер автора

3. Здание III. План и разрезы

Помещения зданий III и VI парадны и так богато украшены живописью, что многие исследователи считали первое из них дворцом Диваштича [17]. Однако архитектурный анализ показывает, что это был нормальный тип городского жилища, принадлежавшего господствующему слою населения.

Обширный материал для исследования дает здание III (рис. 3), вытянутое вдоль восточной стены города более чем на 100 метров. Постройка распадается на ряд секций — жилища отдельных семей. Веским доказательством тому служат: 1) наличие определенного состава помещений, повторяющихся в отдельных секциях,

4. Помещение с очагом здания III.
Реконструкция автора (вариант)

и 2) различие строительного материала. В составе типической жилой секции различаются: 1) собственно жилые комнаты; 2) парадная группа, состоящая из квадратного зала и его преддверия в виде просторного кулуара; 3) группа соединительных помещений, куда можно причислить вестибюль при входе, коридоры, пандусы, дающие выход на верхние этажи и плоскую кровлю; 4) айваны. Хозяйственные помещения, размещавшиеся, вероятно, в дворовых постройках, пока раскопками не выявлены. В здании III можно выделить более шести секций.

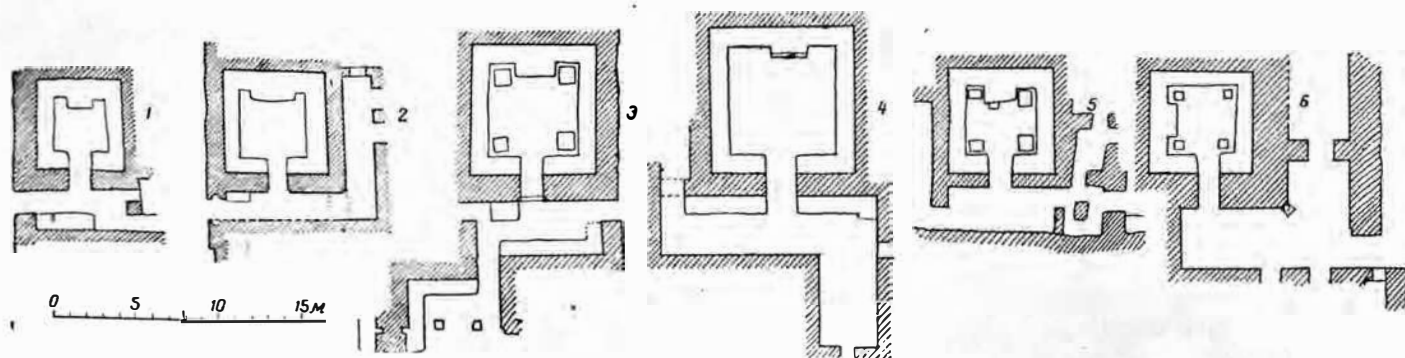
Основную массу помещений комплекса можно, естественно, считать за жилые, хотя в качестве таковых они представляются мало характерными. Вытянутые, покрытые в большинстве свода-

ми, они мало отличаются от коридоров, так как отношение сторон превышает в них иногда 1:3.

Свет поступал через фрамуги над внешней дверью, через окна, прорезанные высоко в торцовых стенах сводчатых комнат, иногда, вероятно, и через небольшие отверстия в сводах. Дверные проемы, снабженные аркой или деревянной перемычкой, имели полотнища лишь при входе в секцию. Ниши редки, отделка ограничивалась, как правило, глиносаманной штукатуркой. Вдоль стен устраивались невысокие лежанки, по современной местной терминологии — «суфы», а на полу встречаются следы кострищ (или просто угля) — самой примитивной формы обогрева. Площадь жилых помещений колеблется в общем от 9 до 30 с лишним квадратных метров; высота их значительна (до 5 м). В крайней с юга секции высота сводчатых помещений достигала 6 м, но они были разделены балочным перекрытием на два этажа, причем над сводом различается пол 3-го этажа (см. разрез на рис. 3). В массе же помещения располагались, видимо, в два этажа. По восточному фронту здания III пристроен ряд небольших комнат с тонкими стенами, служивших, возможно, для прислуги.

Впрочем, представление о жилых помещениях нельзя считать полным, так как они доступны наблюдению почти исключительно в 1-м этаже. Между тем есть основание думать, что характер комнат верхнего этажа был иным; остатки стен рисуют кое-где контуры просторных помещений квадратного плана, которые, очевидно, имели балочное покрытие на деревянных колоннах и были хорошо освещены. Большое число пандусов указывает на значительную роль верхнего этажа. Тут были, конечно, и открытые галереи, да и сами плоские кровли широко использовались жителями для отдыха, сна и хозяйственных надобностей — совершенно так, как мы видим это и теперь в народном типе жилища больших городов Средней Азии и особенно в Бухаре. В связи с большой поверхностью кровель и связанной с этим трудностью устройства стока они иногда вымощивались тонкими гончарными плитами на глине или алебастровом растворе.

Особо нужно отметить среди жилых помещений этого здания небольшую, но любопытную по устройству комнату № 13 (рис. 4). Вход ее выделен тамбуром с аркой и угловой колонкой. В стене у входа устроена овальная, подразделенная полочкой, ниша. Посредине той же стены красовался очаг наподобие камина, образованного площадкой для угля и примыкающей к стене с овальной арочкой, фланкированной парой

5. Планировка парадных залов богатых зданий шахристана
1, 2, 3, 4 — залы здания III; 5 и 6 — залы здания VI

колонн. Стены комнаты и очага были окрашены в черный цвет по тонко затертой глиносаманной штукатурке. Эта комната имела балочный потолок.

Главным помещением жилой секции был квадратный зал, служивший, очевидно, для приема гостей. В отношении этого секционного центра сложился своего рода архитектурный канон, который в общих чертах сводился к следующему: план парадного зала был квадратным (часто слегка неправильным); вдоль стен была расположена суфа, прорезанная входом в одной из стен; против входа расширение суфы образовывало эстраду, которой иногда предшествовала ступенька; балочное покрытие зала покоилось на четырех колоннах. Стены были украшены росписью, которая поднималась нередко на всю высоту помещения (по крайней мере выше чем на 3 м), иногда же примерно на половину высоты; в одном из залов роспись была только над эстрадой. Потолки были также богато отделаны росписью и резьбой, которая обнаружена среди углей завала трех залов северной части здания III, погибших от пожара. Свет поступал, очевидно, через открытую среднюю часть потолка, и 2-го этажа над залом не было. Таких залов открыто раскопками уже десять (рис. 5). Каждый из них непременно дополняется кулуаром, куда и выходит проем. Кулуары представляют собой высокий, обычно широкий коридор, который нередко поворачивает под прямым углом, иногда охватывая с двух сторон стены зала. Иногда такой кулуар являлся одновременно вестибюлем.

Парадные залы пянджикентских жилых домов соответствуют «мехмонхона» современного жилища таджиков и узбеков.

Вспомогательную площадь составляют, как было сказано, вестибюли, коридоры, пандусы. Вестибюли при входе в каждую секцию пред-

ставляют собой небольшие прямоугольные помещения, обычно связанные с пандусом. Коридоры и вообще проходные помещения занимают в плане довольно много места, иногда поворачивая под углом. Особую категорию составляют кулуары (см. выше). Пандусы располагались при входе и представляли собой квадратную, реже прямоугольную, клетку шириной от 3 до 4 метров, с центральным столбом и узким сводчатым ходом. Пространство под первым витком хода всегда использовалось для камеры или хода в соседнюю комнату, так что арки, ведущие на пандус и в камеру, помещаются рядом и выходят в вестибюль или кулуар (рис. 6).

Айваны представляли собой неглубокую лоджию с парой колонн по фасаду. В одном из айванов здания III было четыре колонны (рис. 7).

Таковы в общем черты богатого городского жилища, для полной характеристики которого не хватает пока данных о хозяйственных помещениях — кухнях, кладовых и пр. В этом жилище уже более или менее выявлено деление на интимную и парадную половины, причем айваны и пандусы могут быть для той и другой общими или отдельными. Весьма показательна в этом отношении обращенная к востоку секция E на северной оконечности здания III, где каждая из частей имеет собственные айван и пандус. Каждую из секций здания III занимала, несомненно, малая семья; но в сумме эти секции составляли большой дом, целый жилой квартал. Слитность отдельных секций говорит, по-видимому, о том, что отдельные семьи не порвали связи с родом, составляя большесемейную общину. Очевидно, именно такой «дом рода» упоминает при описании Мерва Истахри [18]. В таком случае здание III представляет собой прототип «боми-калон» современных ягнобцев [19].

Секционная структура здания III, как и других жилых зданий шахристана, выражается также в различной конструкции стен пахсовых, сырцовых или комбинированной кладки из глины и сырца. Отдельные секции явно разновременны и пристроены друг к другу.

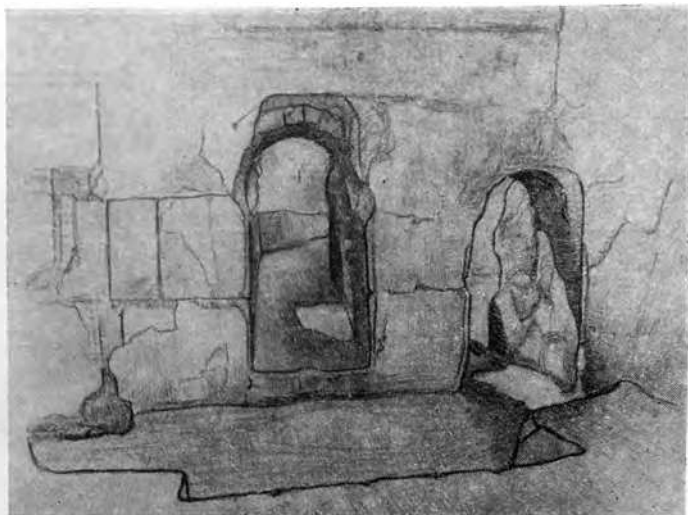
Здание VI по убранству не уступает зданию III. Но не все постройки шахристана были таковы. В зданиях V и XII почти не видно росписи, нет парадных залов и число комнат невелико.

Различие отдельных жилых комплексов шахристана по числу, размерам и богатству убранства помещений говорит о классовой дифференциации общества и ставит под сомнение распространенный взгляд, будто шахристаны среднеазиатских городов раннего средневековья служили местопребыванием почти исключительно феодальной аристократии, жречества, богатых купцов [20]. Обитатели зданий V и XII занимали, очевидно, более низкую ступень общественной лестницы, чем владельцы роскошных апартаментов здания III или здания VI.

Загородное жилище. На основе изучения жилых зданий пригорода выясняется целый ряд типических признаков этого рода жилища.

1. Характерно достаточно просторное входное помещение, совмещавшее роль вестибюля и хозяйственные функции. Сюда открывается марш пандуса и связанная с ним камера; здесь располагался костер или углубленный в стену очаг. Специфический характер этого помещения соответствует «долуну» горно-таджикского жилища, который известен и в сельских усадьбах равнин (Хооезм) и кое-где в городском жилище (Фергана). Надо отметить, что в домах шахристана вестибюль редко носит столь разносторонний характер.

2. Комнат бывает от одной до трех, небольших. Если их несколько, функции их различны: жилая, хозяйственная, приемная. Если комната всего одна, она обычно бывает тщательно отделана и сильно отличается от долуна. Иногда комнаты, несмотря на малые размеры, получали

6. Пандус здания III
Рисунок автора

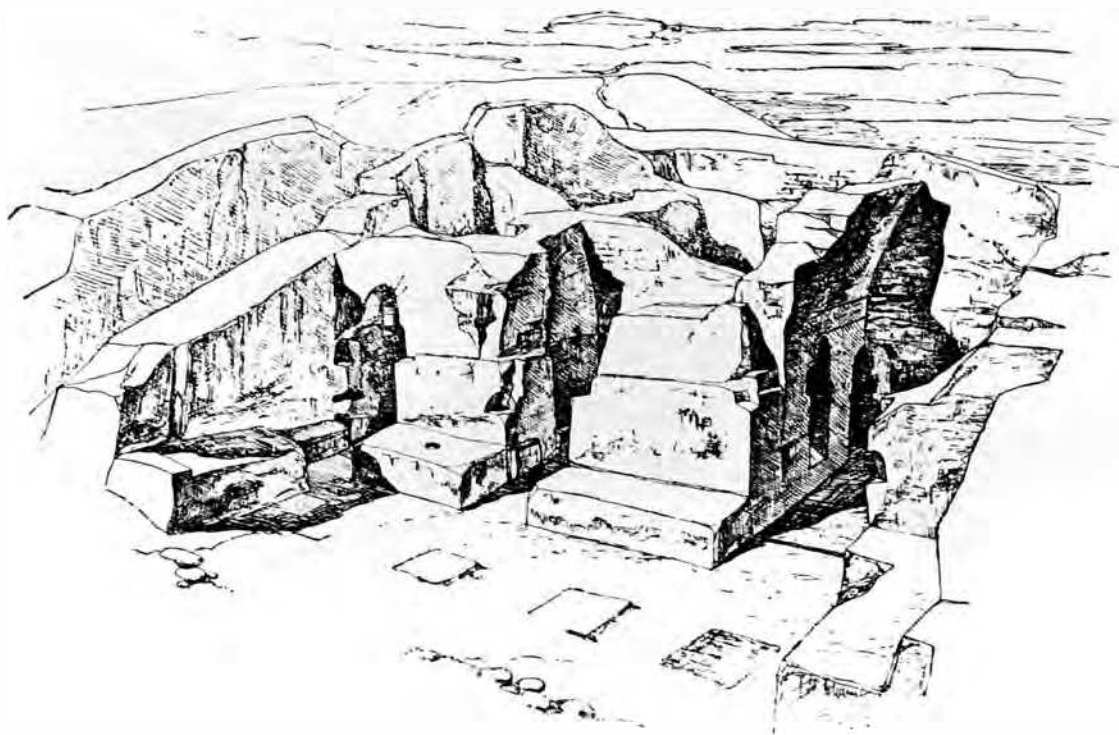
характер несколько торжественный: квадратных пропорций, с суфой вдоль всех стен в подражание городской традиции, с особенно тщательно сложенными стенами; они, очевидно, имели балочное покрытие. Это — гостиная, миниатюрный приемный зал скромного загородного жилья. Пример этого рода представляет пригородный дом № 4.

3. Почти в каждом доме есть пандус. Пандусы в общем того же типа, что и в шахристане, но всегда прямоугольного плана.

4. Иногда добавляется коридор (пригородные дома № 4, 9; рис. 8, 9, 10). Часто встречаются айваны, небольшие и неглубокие, где не требовалось стоек (дом № 4).

Мы можем лишь догадываться о 2-м этаже, который нигде не сохранился, но без которого не обходилась, пожалуй, ни одна постройка. Не было никакой надобности строить капитальные пандусы только для того, чтобы попасть на крышу, если не было верхнего этажа с существенно необходимыми помещениями. Роль верхнего этажа была, несомненно, значительна, и состав помещений дома не ограничивался перечисленными. Интересно при этом, что стремление строить в 2 этажа вовсе не было вызвано в данном случае теснотой участков, как на территории шахристана. Вероятно, тут сказывалась возможность сделать верхние помещения более открытыми, светлыми, приспособленными для летних условий, тогда как нижние были по преимуществу глухие и плотно запирались. Любовь к верхнему этажу, живописное и комфортабельное его устройство, столь обычные для таджикского и узбекского народного жилища XIX—XX веков, проявлялись, повидимому, уже с древности.

В конструкциях стен пригородных домов пахса вытеснила сырец; помещения покрывались, видимо, как сводами, так и плоской балочной кровлей. Убранство было самое скромное и ограничивалось глиносаманной штукатуркой или же особенно тщательным выполнением пахсовой кладки. Не исключено, впрочем, что деревянные потолки в какой-то мере украшались резьбой или росписью.

7. Айван здания III

Рисунок автора

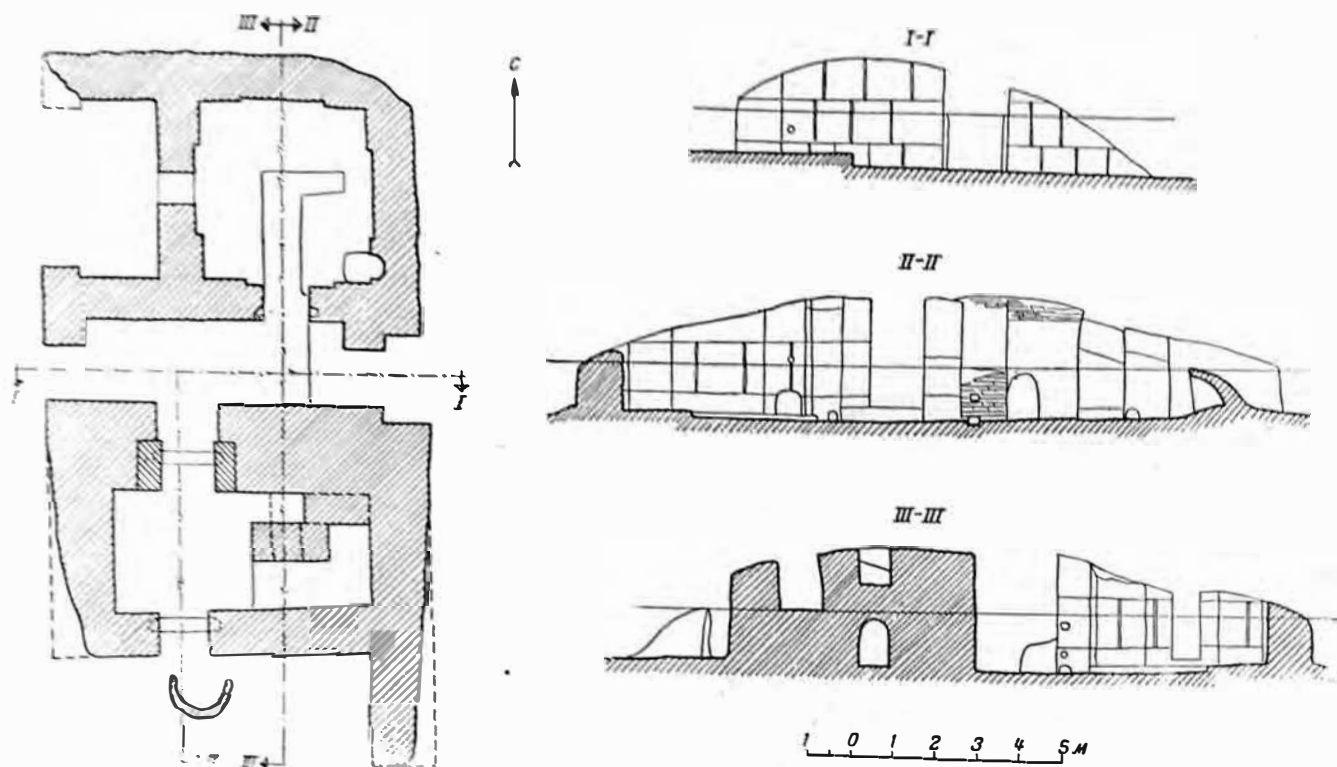
В облике описанного типа жилища в большинстве случаев сильно проступает специфика сельского хозяйства, но в целом его едва ли можно с полным основанием назвать сельской усадьбой: по совокупности своих черт, связанных с городской традицией, и по нарождающимся кое-где признакам ремесленного производства — это скорее пригородный дом. Ремесло было еще неотделимо от сельского хозяйства.

Таким образом, на городище выявлено в основном три типа жилища: городское, пригородное и оборонное (жилая башня). Городское в свою очередь дифференцировано в соответствии с социальной принадлежностью владельца.

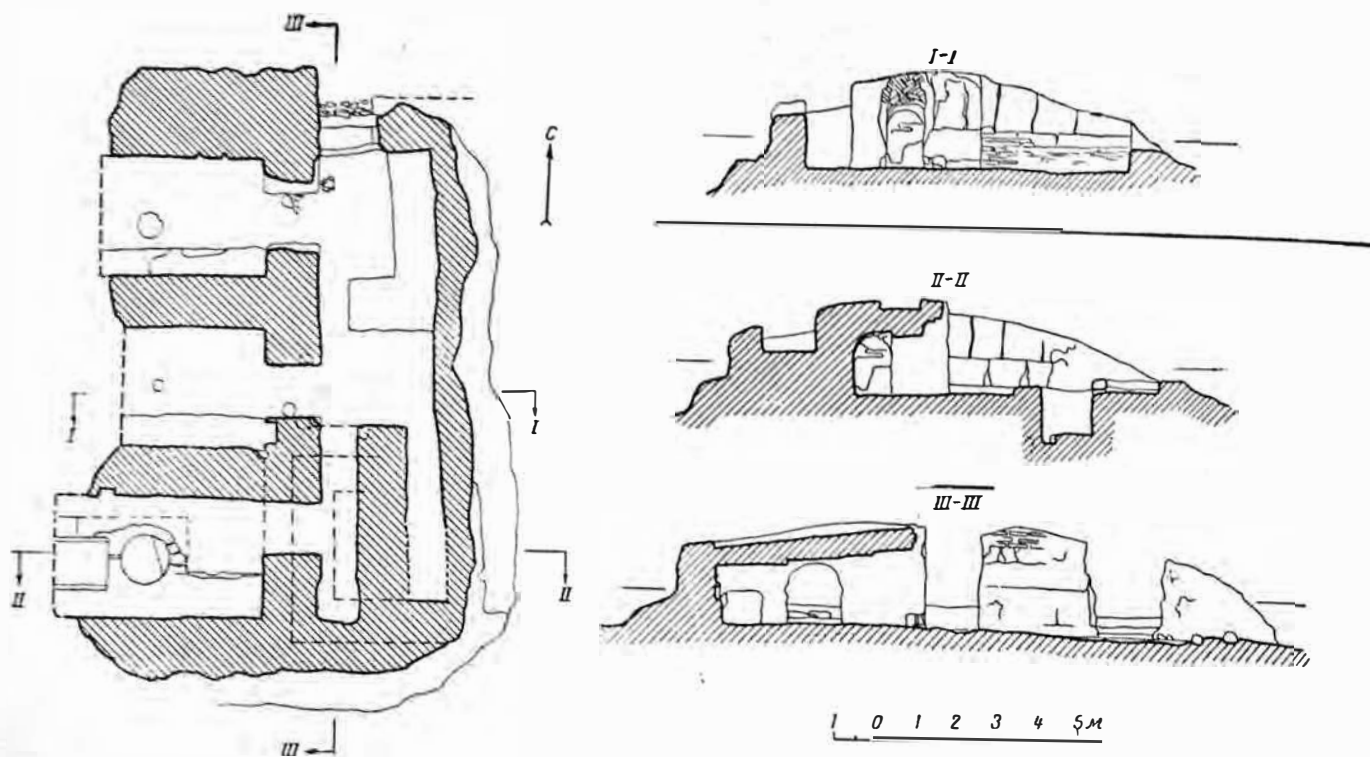
Различие между городским и пригородным жилищами ясно из описания. В первом состав помещений многочисленен и многообразен, городская скученность наложила отпечаток на планировку, которая носит довольно беспорядочный характер; второе отличается компактностью и оборудовано в соответствии с нуждами сельского хозяйства. Но много, несомненно, и сходства: там и здесь были верхние этажи и пандусы; в пригородном доме намечается нередко стремление выделить квадратную парадную комнату. С другой стороны, четко выступает отличие от других сооружений башни цитадели с характер-

ным компактным планом. Соединение узких помещений проемами вдоль торцевой стены — упрощенный вариант коридорной системы — образует в плане форму гребенки. Такой прием характерен для цокольного этажа оборонного типа жилья.

Типы жилых зданий Панджикента встречаются пока мало общего в круге археологических памятников Средней Азии. Во всяком случае конкретный параллельный по времени материал предоставляют почти исключительно многолетние работы Хорезмской археологической экспедиции Академии наук СССР, и в силу этого возникает трудность при сопоставлении городского типа жилища с характерным для Хорезма VII—VIII веков укрепленным усадебным. Комнаты жилой башни хорезмийских замков, стесненные квадратом стен, по необходимости ограничены в числе и группируются вокруг центрального распределительного помещения. Взаимосвязь помещений панджикентского городского дома много сложнее и разнообразнее, особенно если принять во внимание двух- и трехэтажную застройку, благодаря которой сложился тип винтового пандуса. Тем не менее состав помещений, их функциональная характеристика там и здесь в общих чертах сходны. В плане донжона Тешик-кала читаются жилые комнаты, хозяйственные помещения,

8. Пригородный дом № 4. План и разрез
Обмер автора

9. Пригородный дом № 9. План и разрез
Обмер автора

вестибюль и даже парадный зал. Этот квадратный зал, по размерам близкий пянджикентским, также окружен суфой, но почетное место выделено не выступом эстрады; оно, напротив, углублено в форме ниши. Декорация стен также иная — не живописная, а лепная, глиняная (известный фриз из пальметт и розеток). Но в целом композиционный принцип один и тот же.

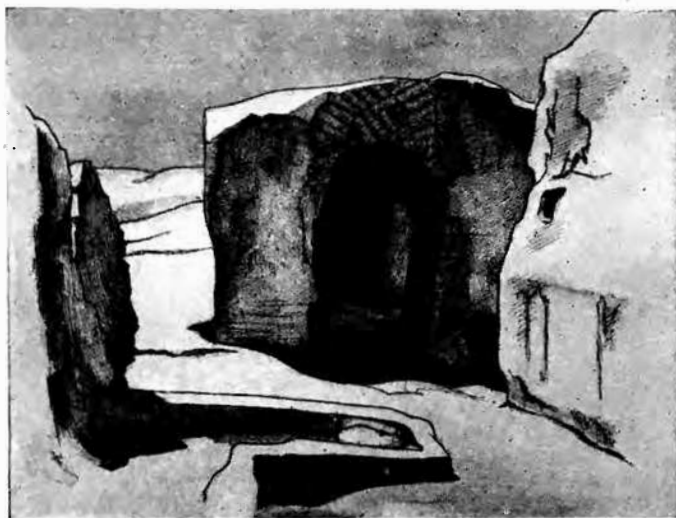
Винтовые пандусы в Хорезме не привились. Даже во дворце Топраккала подъем осуществлялся по линейному пандусу коридорного типа. В этом отношении ближайшую аналогию пянджикентским представляют сырцовые здания Мерва, датируемые в широких пределах VIII—XII веками, где квадратная клетка пандуса освещается через узкие проемы, напоминающие бойницы [21].

Пригородные усадьбы Пянджикента, казалось бы, могут дать более возможностей для сравнительного анализа. Но на деле и они остаются в основном оригинальными, поскольку в Хорезме даже небольшие постройки носят сугубо укрепленный характер и жилое помещение поставлено на высокой, массивной платформе, где прорезаны лишь один-два коридора. Этим и объясняется тенденция к устройству верхнего этажа.

Что касается планировки пянджикентского донжона по типу «гребенки», то он обычен для Согды и земель, находившихся в сфере его влияния. Таковы, например, замки на горе Мут и Калаи-боле близ Исфары, части плана варахшинского дворца; таков, судя по описанию, и семиреченский Чул-тепе [22]. В западных областях Средней Азии трудно найти более или менее развитый образец подобной планировки здания.

3. ОБЩЕСТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Письменные источники сообщают о наличии в раннесредневековых городах Средней Азии разнообразных общественных учреждений. Истахри описывает «дом правления» в Мерве;

10. Пригородный дом № 9. Вид с севера
Рисунок автора

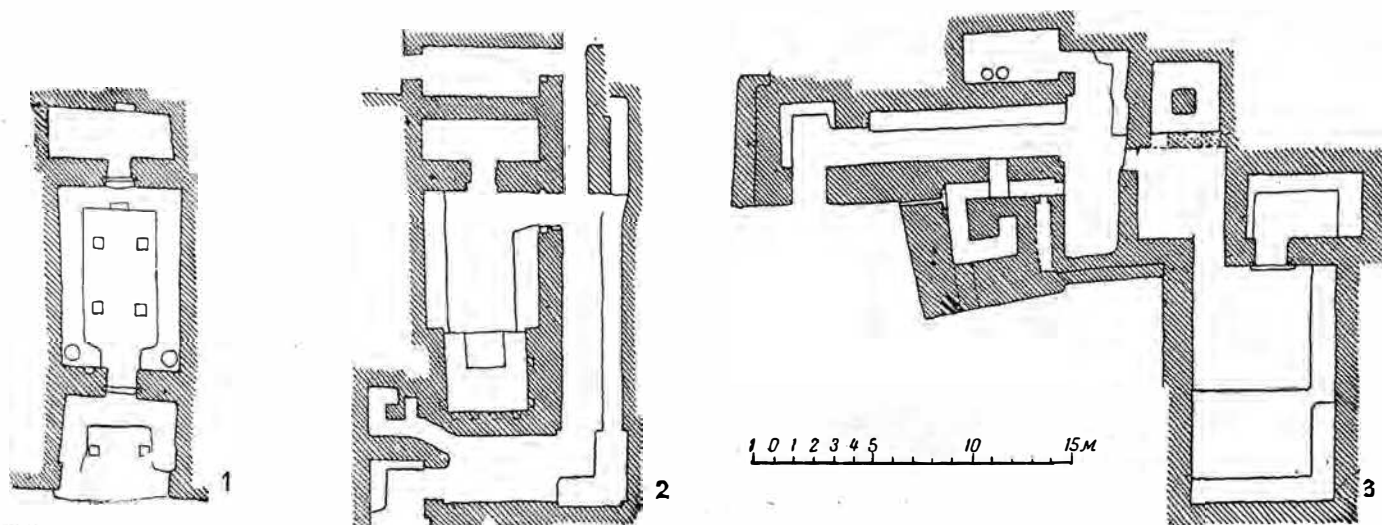
Ибн-ал-Факих упоминает там же некую загадочную постройку, по-видимому, также общественного назначения; ал-Бируни отмечает в Согде «дом огня», где, возможно, соединялись функции общественные и культовые [23].

Однако вопрос о таких общественных центрах в современной исторической литературе еще совершенно не разработан. С. П. Толстов полагает, что нашел «алоу-хона» в античных городах Хорезма [24]. Но для VII—VIII веков таких построек, сколько известно, не

было обнаружено.

Между тем есть основания полагать, что в древнем Пянджикенте были, если не специальные сооружения, то во всяком случае отдельные комплексы общественного характера среди жилых массивов шахристана, где различается несколько залов, несходных с парадными залами жилища (рис. 11).

Это прежде всего группа помещений здания III, расположенных по одной оси небольшого открытого к западу айвана, прямоугольного зала и сводчатой комнаты. Балочный потолок зала покоился на четырех деревянных колоннах, причем посредине кровли имелось, вероятно, световое отверстие. Это было довольно вместительное, светлое и богато украшенное помещение, стены которого покрывала живопись. Вдоль стен тянется суфа, прерываемая лишь у выхода на айван и разрезанная ступенями при входе в комнату. Близ входа, по обе его стороны, устроены очаги типа хлебной печи, имеющие вид углубленных в суфу больших сосудов — хумов — и заполненные золой. Над одним из хумов был устроен впоследствии плоский прямоугольный очаг с небольшим бортиком; над другим выдолблены в стене две маленькие ниши для мелких предметов; одна из них — круглая ямка — напоминает гнездо для деревянной ложки, какие делаются у очага в домах горных таджиков долины Зеравшана. В комнате против двери находится ниша с остатками росписи. Зал погорел и был завален углем покрытия; поверхность суфы получила от огня цвет и прочность терракоты, а

11. Планы предполагаемых общественных сооружений
1 — в здании III; 2 — в здании IX; 3 — в здании VI

живопись уничтожена. Организация и хозяйственные детали помещения говорят о его общественных функциях. С одной стороны, здесь как будто была налажена выпечка хлеба для общественного потребления, с другой стороны, — приложено много старания, чтобы украсить помещение и сделать его комфортабельным.

Совершенно своеобразен по формам большой зал здания IX. В его прямоугольное пространство с суфами у продольных стен открывается большая квадратная лоджия с двухъярусной суфой. Верхняя ступень суфы огибает стены, оставляя посредине свободное пространство, почти целиком занятое зольником. Толщина зольного слоя свидетельствует о том, что здесь не только клали уголь, как это было в жилых помещениях, но раскладывали костер. Зал, вероятно, как и в прочих случаях, имел балочную кровлю на столбах с открытой серединой, но лоджия была покрыта сырцовым сводом, от которого остались начальные ряды кладки. В щечковых стенах на границе пахсовой кладки стен и сырца свода видна непрерывная линия глубоких тнезд от горбылей, указывающая на существование в прошлом антресоли, что подтверждается и наличием на этом уровне ряда ниш (по две в щечковых стенах и четыре в шпильковой); кроме них, имеется пара ниш для нижнего яруса в задней стене лоджии. Ниши придают помещению своеобразный вид, почему его окрестили в процессе раскопок «кафтар-хона», т. е. «голубятня» (рис. 12). Росписи здесь не было, и отделка ограничивалась глиносаманной штукатуркой. Около зала группируется ряд дополни-

тельных помещений. С севера, напротив лоджии, к залу примыкает узкая сводчатая комната, соединенная с ним широким проемом. Зал огибает с двух сторон обширный кулуар, связанный на юге с лоджией-вестибюлем и с пандусом, а на севере — с другим пандусом и парой дополнительных помещений.

Главную роль в функциях описанного зала здания IX играл, очевидно, костер, вокруг которого размещались на верхней суфе посетители. Тут же подавалась еда; в лоджии найдены разбитый сосуд с фасолью и горохом, черепки кружки, нож.

Большой зал здания VI отличается от двух описанных асимметричной планировкой. Суфа расположена только с двух сторон; в южной части она образует эстраду во всю ширину зала, на которой вдоль южной и восточной стен возвышается вторая ступень. На стенах зала сохранились фрагменты росписи. Перекрытие, вероятно, опиралось на колонны.

С севера к залу примыкают две сводчатые комнаты, из которых одна была сплошь обмазана алебастром, включая пол и суфу; стены и свод второй украшала роспись. Этот комплекс был крупнее предыдущих. Его кулуар представлял собой соединение под прямым углом высоких сводчатых галерей, а вестибюлем служила лоджия с полукуполом. И галереи, и лоджия были украшены росписью. В состав комплекса входили также один или два пандуса.

Залы трех описанных комплексов, не превышающие по размерам залы жилых домов, отличаются от них по формам [25]. В планировке их

и деталях есть несомненное сходство, обусловленное их общим общественным назначением, но вместе с тем есть и различия, объяснимые, по-видимому, оттенками в их функциональном содержании.

Так, общественные залы объединяют между собой и отличают от обычных гостиных залов жилого комплекса:

1) прямоугольный контур плана, 2) наличие поперечной к оси зала подсобной комнаты (ее можно определить как помещение для инвентаря), 3) наличие двух дверей. В «общественных залах» зданий VI и IX нужно подчеркнуть особое развитие эстрады и появление дополнительной верхней суфы. С другой стороны, каждый из трех комплексов в известной мере индивидуален. Первый из них выходит непосредственно на площадь, обладает айваном, имеет печи, второй выделяется своей сводчатой лоджией с нишами, третий — асимметрией плана.

Между тем сохранилось и кое-что общее с залами жилых комплексов: суфа с эстрадой, балочное покрытие на четырех колоннах, кулуары. Безусловно, данный тип помещений ведет происхождение от жилища, и прототипом ему служил обычный гостинный зал жилого дома.

Судя по всему сказанному, в городе VII—VIII веков вполне оформилась программа некоего общественного центра. При сопоставлении с данными письменных источников пянджикентские общественные комплексы более всего напоминают «дома огня», отмеченные ал-Бируни. Это был прообраз «алоу-хона» горных таджиков, места сходок мужчин города (или данного квартала). Функции алоу-хона таджиков, этого своеобразного клуба-мечети, были весьма разнообразны: здесь собирались вокруг огня решать дела общинные и частные, на молитву, для общей трапезы в праздник и будни. Здесь же останавливались путники. Характерно, что и таджикские алоу-хона в своих минимальных масштабах смыкаются по типу с обычными мехмонхона [26].

Думается, однако, что при наличии развитого ансамбля культовых зданий в пянджикентских алоу-хона культовые функции в известной мере

12. Вид зала здания IX.
Рисунок автора

также могли иметь место.

В социальном облике пянджикентских алоу-хона, разумеется, еще далеко не все ясно. Прежде всего интересно то обстоятельство, что их найдено три — по числу богатых жилых комплексов восточной части шахристана. Нужно ли отсюда заключить, что каждый такой общественный центр принадлежал определенному жилому комплексу и его обслуживал? Это представляется довольно вероятным и находит

близкое соответствие в этнографических материалах: в старых кварталах городов Средней Азии, особенно ферганских, встречаются объединения дворов родственных семей, имевших одну общую мехмонхону; алоу-хона также могли быть квартальными. Однако при наличии общей мехмонхоны в современном народном жилище отдельные семьи ее не имеют.

Здание IX пянджикентского шахристана, действительно, не обнаруживает пока частных приемных залов; но в зданиях III и VI они, как мы видели, имеются. Затем, как уже сказано выше, в облике общественных учреждений древнего Пянджикента намечаются некоторые оттенки. И если зал здания IX целиком подходит под определение «алоу-хона», то общественный центр здания III выделяется из других своей слишком непосредственной связью с внешним пространством. Может быть здесь мы имеем дело с каким-то учреждением более открытого типа. Наконец, общественный зал здания VI по своему отличается от двух других. Здесь на первом плане стояли, по-видимому, не огонь и трапеза (хотя следы костра и видны на полу среди зала) — просторная эстрада осталась чистой и незаполненной. Основываясь на большом числе найденных в зале игровых костей — бараньих астрагалов, можно допустить, что здесь помещался своего рода игорный клуб, причем просторная эстрада служила для игры, а на верхней ее ступени размещались зрители. Кстати, косвенным подтверждением этой версии служит изображенная в живописи западной стены зала сцена игры в нарды.

Можно ожидать, что вопрос о назначении обнаруженных общественных центров древнего Пянджикента разъяснится при дальнейших раскопках.

Общественные центры Пянджикента не были исключительно связаны с жилыми кварталами. В значительной степени носили общественный характер и храмовые комплексы с их обширным двором, суфами вдоль ограды, с их гостеприимными, обращенными на площадь, айванами. Эта черта отмечена А. М. Беленицким, который пишет: «Храмы представляют собой не только место молитвенных собраний. Они были приспособлены к тому, чтобы служить своеобразным форумом для различных собраний горожан» [27]. Площадь (вернее площади) перед храмами являлись несомненно также важным общественным узлом города. По этому поводу уместно еще раз вспомнить алоу-хона таджиков, да и обычные квартальные мечети среднеазиатских городов, объединявшие культовые и общественные функции.

Не исключено, что в свое время на городище будет обнаружен «дом правления», который должен представлять собой, по Истахри, самостоятельное здание.

Открытые в застройке раннефеодального города общественные элементы представляют огромный интерес не только в качестве архитектурного типа, но и как материал для понимания социальной жизни города.

4. КУЛЬТОВЫЕ ЗДАНИЯ

По письменным источникам, в Средней Азии времен арабского завоевания были «дома огня» и «дома идолов». Однако формы этих культовых зданий долгое время оставались неизвестными. История изучения домусульманского храма разворачивается фактически в последние годы. О полной неосвещенности вопроса свидетельствуют появлявшиеся не так давно в литературе фантастические версии о «подземных храмах» или о культовом назначении гофрированных зданий типа мервских Кыз-кала [28].

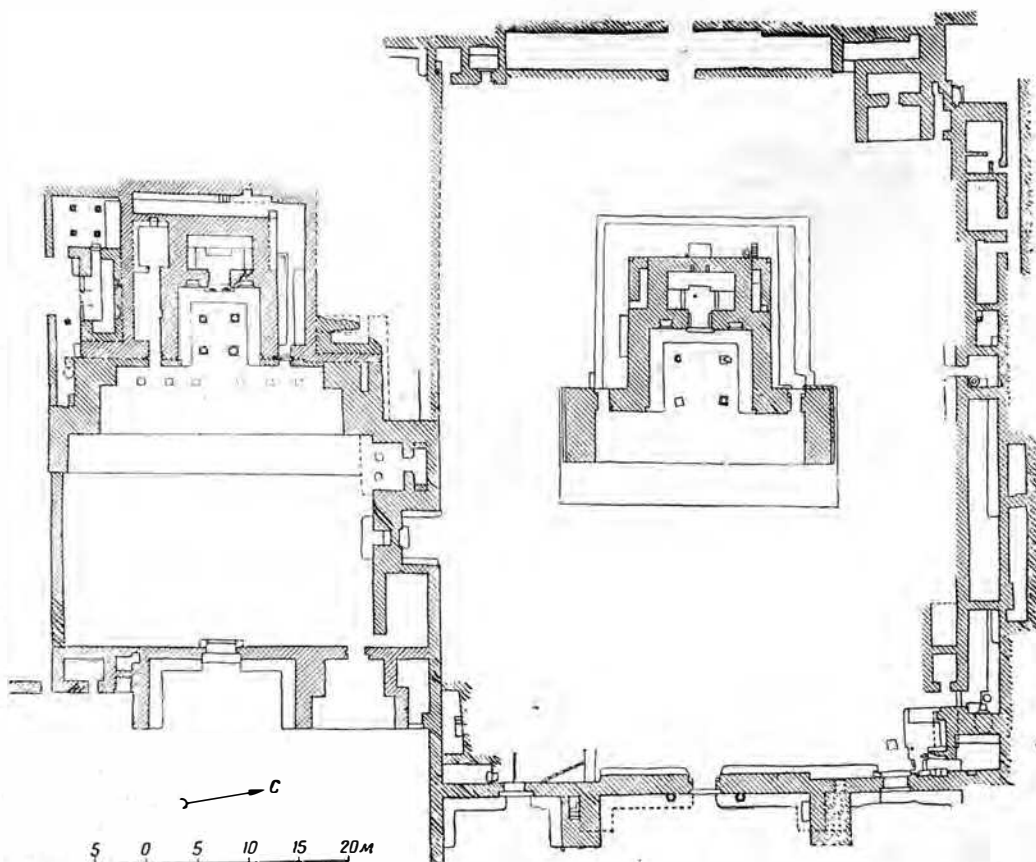
Проблема впервые была поставлена на научную почву работами Хорезмской археологической экспедиции Академии наук СССР; как уже отмечено выше, С. П. Толстов предполагает остатки «дома огня» в стенах Джанбас-кала (рубеж н. э.), Топрак-кала (III—IV вв.) и Тешик-кала (VII—VIII вв.) [29]. Так или иначе, архитектурный облик храма в условиях древнего Хорезма остался невыясненным, и реконструкция

«дома огня» Топрак-кала построена лишь на основании контура стен, от которых остался лишь след на поверхности грунта.

Первые этапы работ Южно-Туркменистанской комплексной экспедиции дали материал лишь для предположительных высказываний о постройках культового назначения, и только впоследствии представилась возможность определить в качестве «заупокойного храма» одно из зданий некрополя парфянской Нисы [30]. Облик предполагаемых буддийских храмов Айртама остался невыясненным, что можно сказать также о буддийской часовне Баласагуна по материалам 1939—1940 годов и буддийской кумирне Мерва [31].

Между тем уже первый год раскопок древнего Пянджикента выявил здание несомненно культового назначения. Выясняется во всех деталях планировка двора и главного здания; формы его и убранство можно восстановить с достаточной полнотой. Таким образом, изучение домусульманского храмового здания в Средней Азии открывается в полной мере только раскопками древнего Пянджикента, а в настоящее время становится возможным уже в широких масштабах благодаря открытым в 1953 году и позднее буддийским храмам и христианской часовне Баласагуна (VIII—IX вв.) [32].

Пянджикентские храмы состоят из главного храмового здания и обширного двора, окруженного рядом построек подсобного и культового характера (рис. 13—15). Ориентация и постановка корпуса согласованы. В каждом из этих комплексов последовательно развивается одна и та же архитектурная идея: на широтной оси лежат широко развернутый айван-порттик ограды с главными воротами, такой же айван самого храма, его зал и целла. Собственно храм состоял из свободно открытого на восток торжественного центрального зала, предшествующего ему лицевого портика с антами, лежащей позади него целлы и связанной с портиком обходной галереи. Балочное покрытие зала покоилось на четырех деревянных колоннах; фланкированный нишами широкий проем соединял его с целлой. Храм высится на платформе, куда ведет пологий пандус во всю ширину фасада. Эта структура отчетливо видна в северном храме, который расположен посреди двора, но в южном затемнена массой пристроек и перестроек. Галерея северного храма была, очевидно, открытой и имела балочный потолок на деревянных колоннах; галерея южного храма была сводчатой. Целла в обоих случаях имела деревянное покрытие. Вдоль стен зала и целлы расположены суфы.

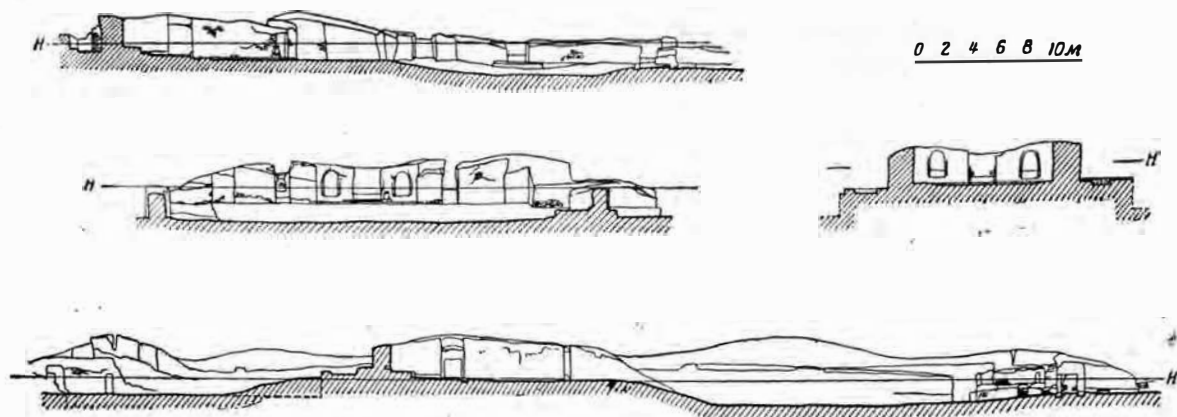
13. План храмовых зданий

Северное здание несколько крупнее южного. Размеры главного зала составляют соответственно $7,85 \times 8,08$ и $8,1 \times 10,32$ метра, а протяжение лицевого портика — $20,75$ и $20,86$ метра. Оба здания сложены из сырца.

Композиционным центром и местом культовых церемоний являлся четырехколонный зал с его богатым убранством. Судьбы южного и северного храмов были различны: первый погиб в пламени пожара, второй запустел и разрушался постепенно временем и непогодой (не без участия человеческих рук). В силу этого руины освещают различные стороны своего бывшего убранства. Зал северного храма сохранил в значительной степени настенную живопись, но бесследно утратил деревянные части, унесенные в свое время отсюда посетителями этих мест. В зале южного храма живопись погибла, зато уцелели фрагменты обугленных балок покрытия и колонн. Воссоединяя эти данные, можно сказать, что зал был богато украшен настенной живописью и, вероятно, росписью и резьбой потолка, а колонны были архитектурно моделирова-

ны. В нишах предусмотрен постамент для сидячей глиняной статуи; но скульптуры были выброшены мусульманами, и лишь в нише северного храма уцелел фрагмент драпировки. Лицевой портик также имел деревянные колонны (от которых в южном храме сохранились на полу обугленные подушки) и настенную роспись. Цела была оштукатурена глиной с саманом без росписи.

В составе дворовых помещений были жилые, хозяйственные и культовые. В стены ограды вкомпонованы небольшие лоджии или капеллы, повторяющие в миниатюре схему главного здания и также украшенные росписью. Во дворе здания II посредине северной его стороны открыта монетная мастерская, а вдоль западной стороны вытянулась конюшня. Любопытно, что в стенах храмов автором статьи были обнаружены сокровищницы. Тайник южного храма не имел проемов, и вход в него был предусмотрен через оболочку свода; дверь хранилища северного храма была заложена и замаскирована. Оба тайника, к сожалению, оказались пустыми.

14. Разрезы храмовых зданий

Вверху слева: разрезы восток — запад и север — юг южного комплекса; вверху справа: поперечный разрез северного храма; внизу: разрез восток — запад северного комплекса

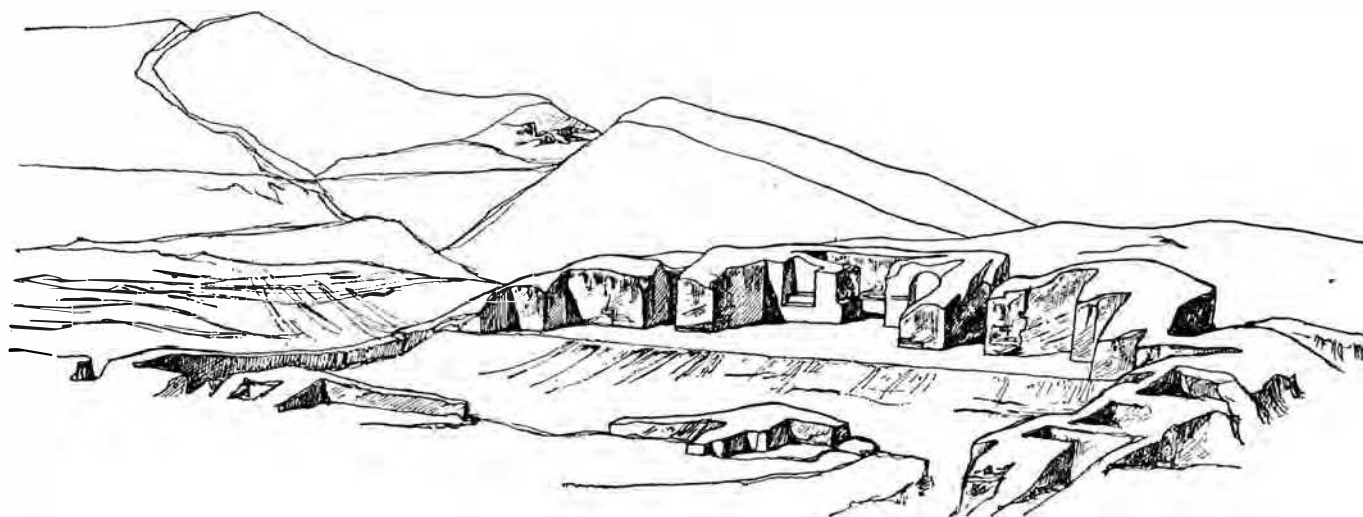
В сторону предхрамовой площади, к востоку, были обращены предвратные айваны с балочным покрытием на деревянных колоннах. Раскопки ограниченного массивными пилонами айвана здания II обнаружили глиняный барельеф своеобразной тематики, с изображениями мифических водных существ, рыб и чудовищ, содержание которого А. М. Беленицкий связывает с культом воды и соответственной мифологией древней Индии. Оформление айвана в южной и северной его частях почему-то неодинаково, и последняя украшена расписной панелью, а у северной стены помещалась объемная скульптура на постаменте. Ворота были, повидимому, фланжированы двумя полуколоннами, от которых сохранились лишь базы.

При одинаковой композиционной идее храмовые комплексы обнаруживают значительное различие в общей планировке. В северном ансамбле мы видим свободную центральную постановку храма посреди обширного двора с тремя воротами на восток и четвертыми — для конников — на западной стороне. В южном комплексе храм смыкается с северной оградой двора, а ворота пока открыты всего одни на восточной стороне.

Чем вызвано это различие? Внимательное наблюдение приводит к заключению, что обнаруженная южная стена двора — позднего происхождения и что остается нескрытой значительная часть двора к югу и западу, ограниченная цепью помещений, которые оставили заметный вал. Таким образом, прилежащие к главному зданию с юга помещения, видимо, входили в состав дворовых построек. Северная ограда, очевидно, также не является первоначальной, а стены самого храма носят следы многочисленных переделок.

Следовательно, первоначальная композиция южного комплекса была совершенно иной. Но был ли он сходен с северным?

В связи с вопросом о первоначальном виде здания стоит и вопрос об очередности постройки. Вопрос этот, затрагиваемый впервые, требует подробного анализа строительных остатков и размера сырца и может быть рассмотрен лишь в отдельной статье. Здесь мы коснемся его лишь попутно. Храмы не составляют вместе архитектурного ансамбля в строгом смысле этого слова и явно разновременны. На основании характера строительных остатков следует считать более ранним южный храм, чрезвычайно усложненный многократными пристройками, которые говорят о длительном периоде существования. В северном комплексе надстройки и пристройки обнаруживаются скорее в помещениях двора, чем в самом храме, сохранившем нетронутой первоначальную композицию. О более позднем возникновении северного храма свидетельствует и то обстоятельство, что платформа центрального здания включает остатки какого-то более древнего сооружения. Очередность застройки представляется таким образом, что южный храм постепенно изменил очертания плана и был стеснен с юга и севера перестроенной дворовой оградой, причем северная часть ограды оказалась общей с новоотстроенным вторым храмовым комплексом. Первое время дворы храмов сообщались между собой порталом, впоследствии закрытым и переделанным в лоджию. Любопытно при этом, что лицевой портик здания I в первоначальном виде едва ли походил на портик здания II, так как стены его прослеживаются в толще пилонов прямыми контурами без уступов

15. Общий вид южного храма
Рисунок автора

(см. рис. 13, где штриховкой выделены разновременные части).

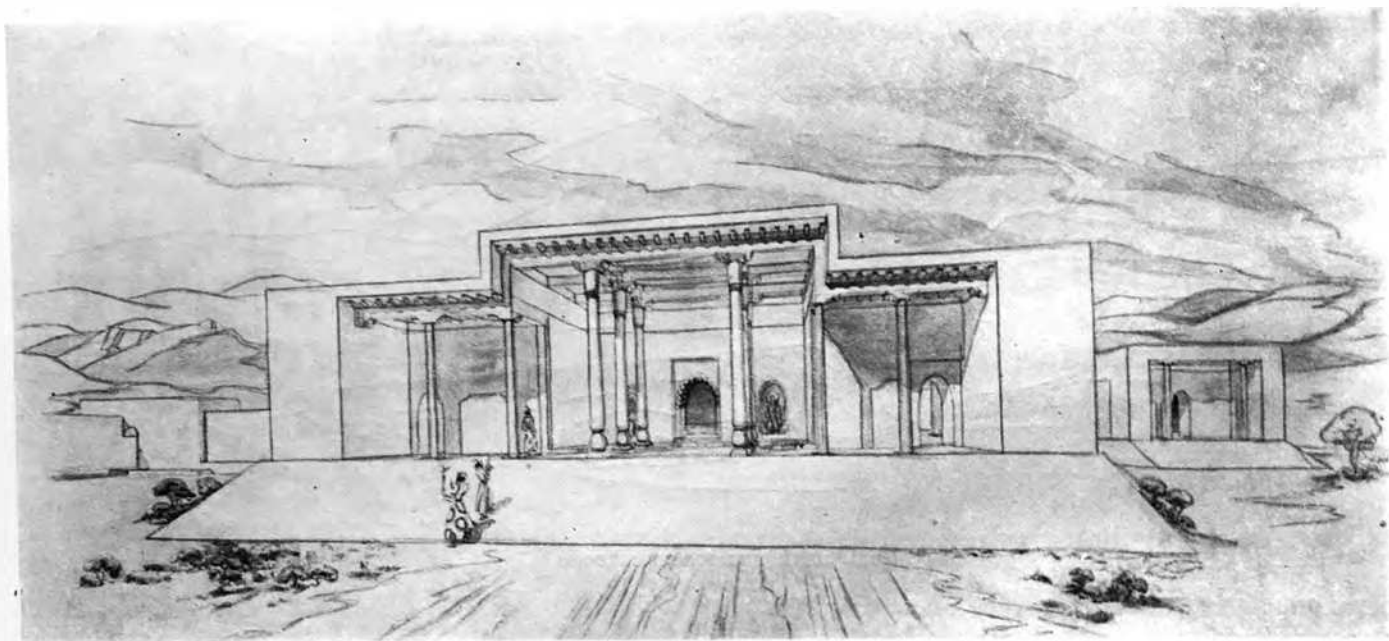
Даже в руинах здания храмов производят величавое впечатление, и можно с полным правом сказать, что это были первоклассные произведения искусства. Зодчий ставил себе определенную задачу, которую и разрешил мастерски. Выходящий на площадь богатый портик открывает вид на центральное здание храма. Храм, поднятый на платформу, господствует над пространством двора, целиком открытый зрителю своим широким пандусом, легкой колоннадой и богатым залом. Можно представить себе праздничное величие постройки — стройность колонн, тонкий рисунок резьбы и скульптуры, симфонию красок, переливающихся в глубине айванов, широко открытых навстречу восходящему солнцу! Все художественные средства служат созданию жизнеутверждающего демократического художественного образа, пространственного, проникнутого светом и воздухом, насыщенного красками, торжественного и вместе с тем гостеприимного. Созданный из глины и дерева, без мрамора и ценного камня, это был тем не менее шедевр архитектуры и воплощение творческого гения, народного в подлинном смысле слова.

Можно в общих чертах воссоздать формы здания, руководствуясь уцелевшими частями, фрагментами колонн и сопоставлением с приемами таджикского народного зодчества XIX—XX веков. Удобнее при этом базироваться на данных здания II, нетронутого перестройками, привлекая к реконструкции некоторые детали здания I. Ход рассуждения следующий.

Стены центрального зала сохранились на высоту около 3 метров. Первоначальная высота зала принимается, исходя из предположения, что пролет между колоннами зала относится к их высоте примерно, как 1:1,5 или 1:√2, как это наблюдается в квартальных мечетях XIX—XX веков. Высота узкого лицевого портика при этом должна быть несколько меньше, а для того, чтобы открыть вид на внутренний зал-айван и подчеркнуть ось композиции, этот портик был, очевидно, приподнят в средней части, аналогично «кайвану» в народной архитектуре узбеков и таджиков. Формы колонн принимаются, исходя из типа сохранившейся в зале здания I обугленной нижней части колонны и глиняных колонок из здания III (см. рис. 4). В широком проеме целлы оставлены заплечики, как если бы на них опирались какие-то деревянные части; можно допустить поэтому, что проем завершался декоративной деревянной аркой, украшенной фестонами наподобие арочки ишкардарского михраба. Кровли были, судя по остаткам в завале и по аналогии с приемами народного строительного дела, плоские земляные по хворостяному настилу. Общий вид храма рисуется в форме своего рода перистиля с деревянной колоннадой (рис. 16, 17).

Какому культу принадлежали храмы древнего Панджикента, не может считаться установленным.

По мнению А. Ю. Якубовского, храмовый комплекс в целом был посвящен культу Сиявуша — умирающих и воскресающих сил природы — и олицетворял законченный цикл: если северное

16. Северный храм. Вид с востока
Реконструкция автора

здание служило обрядам скорби и оплакивания (момент, отображаемый настенной живописью зала), то южное в противовес тому было средоточием жизнеутверждающего начала, выраженное весенним пробуждением сил природы [33]. Этот вывод, построенный в основном на тематике настенной живописи, отвечает архитектурно-художественному образу лишь во второй своей части. Надо заметить, впрочем, что существовавшая в прошлом связь между двумя зданиями через дворовую дверь говорит в его пользу. Изучение сцены оплакивания в живописи северного храма приводит М. М. Дьяконова к аналогичному заключению о почитании Сиявуша; между тем А. М. Беленицкий на том же основании выдвигает версию манихейского культа [34]. Б. Я. Ставиский по материалам раскопок пянджикентского некрополя приходит к выводу о наличии маздеистских обрядов [35]. Вопрос остается пока открытым; с достаточным правом можно лишь отметить, что местные верования были, по всей вероятности, весьма своеобразны и синкретичны.

В данном случае интересно установить, какое место занимает местный тип храмовых зданий в зодчестве древнего Востока.

Археологические изыскания в Иране и Восточном Туркестане выявили целую серию приемов композиции домусульманского святилища, которые при ближайшем рассмотрении оказываются

связаны рядом особенностей между собой и с пянджикентским типом, предоставляя любопытный сравнительный материал [36].

Выясняется, что творческая мысль на востоке и западе разрабатывала примерно одну и ту же идею святилища — целлы с обходной галереей. Эта тема то усложняется, то выступает в элементарной форме. Различие западной, зороастрийской, ветви от восточной, буддийской, заключается в том, что в первом случае культивируется центрический тип с четырехсторонней галереей, а во втором проявляется тенденция к односторонней ориентации и характерен трехсторонний коридор, что отвечает в каждом случае обрядовой стороне местного культа. Зародыш галереи представлен миниатюрными пещерными храмами-часовнями, где обход осуществлялся вокруг статуи Будды через двери, пробитые в тыльной стене. Из западных вариантов ближе к дальневосточному стоят ранний храм в Сузах и постройки северного Ирана (возможно манихейские), однако очень усложненные, где элементарная идея уступает место некоему новому типу. Пянджикентские храмы занимают в этой цепи срединное положение, но явно ближе к восточной ветви, чем к западной, имея ближайшей и непосредственной аналогией формы храма Сурх-Котала [37]. Буддийский храм Баласагуна обнаруживает полное родство восточно-туркестанскому типу.

Таким образом, формы домусульманского святилища не вырабатывались изолированно, но обнаруживают широкий обмен и взаимное обогащение творческой мысли на бескрайних просторах Ближнего и Дальнего Востока.

5. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Особенность погребального обычая домусульманской Средней Азии заключалась в хранении очищенных от мяса костей в корчагах — «хумах» или в глиняных гробах — «астоданах», «оссуариях». С последними поступали различным образом: держали внутри стен города, во дворе усадьбы или даже в стенах самого жилища [38], хоронили в земле. Для истории архитектуры интересен главным образом способ хранения астоданов в специальных склепах — «наусах».

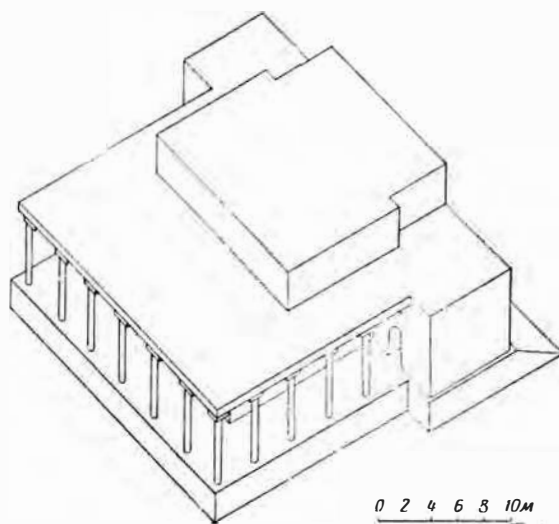
Первые находки астоданов сделаны уже в 70-х годах прошлого столетия. Иначе обстояло с наусами. Они давно известны по письменным источникам (Табари, Бируни и др.), но обнаружены лишь советскими археологами. В 1936 году открыты наусы в Хорезме (Куба-тау) и древнем Пянджикенте [39], а в 1938 году — на городище Кафыр-кала близ Самарканда. Пянджикентские наусы имеют лучшую сохранность, наиболее изучены и освещены в печати [40]. Представляя массовый и типический вид построек этого рода, они служат в настоящее время основным источником сведений о домусульманских погребальных сооружениях Средней Азии.

Некрополь Пянджикента был обширен. Раскопками вскрыты 48 наусов, а первоначально их число достигало 200. Это небольшие и непритязательные постройки, возведенные из сырца или битой глины, иногда из того и другого, покрытые обычным сырцовым сводом по методу поперечных отрезков. Каждый склеп включает камеру квадратного или слегка вытянутого очертания, куда ведет снаружи узкий арочный проем — лаз. Эти проемы закрывались деревянной заслонкой и зваливались камнями. Оборудование камеры несколько варьирует (рис. 18).

В качестве основных типов можно отметить:

1) три стены камеры огибают невысокая суфа в виде буквы «П» (наиболее распространенный вариант); 2) суфа расположена только вдоль двух или одной стены; 3) суфа отсутствует, но появляется ступенчатый постамент близ двери.

Площадь камеры в среднем 4—5 квадратных метров, достигая изредка 10 квадратных метров. Толщина стен весьма различная, в большинстве

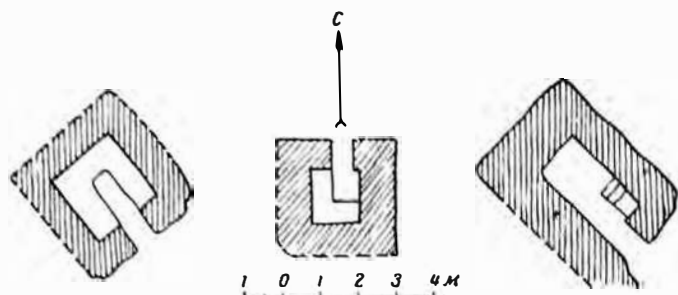
17. Северный храм. Вид с юго-запада
Реконструкция автора

около метра, но бывает много менее или более (до 1,5 м). Ширина проема — от полуметра и не выше одного метра, высота — до 1,2 метра. Что касается высоты камеры, то покрытие нигде не сохранилось, но, основываясь на уровне кое-где заметных пят свода, расположенных очень низко, можно предполагать ее примерно в рост человека.

Исследование Б. Я. Ставиского показывает, что наусы были семейными склепами, хранившими в среднем останки не менее четырех, а скорее около десяти погребенных различного пола и возраста. На суфе размещались астоданы, а также ставились сосуды.

Интересно отметить, насколько различен был подход к астоданам и наусам в смысле их оформления. Если гробики, как правило, украшены орнаментом и налепами, то от постройки не требовалось ничего более, как вмещать гробы и охранять их от непогоды и расхищения. Даже глиносаманная внутренняя штукатурка отмечена далеко не везде, не говоря уже об орнаменте или архитектурной детализации, которых нет и признака.

Есть все основания полагать, что стены склепов образовывали с оболочкой свода пазуху, заполненную сырцом плашмя (как это отмечено в осевшей конструкции покрытия одной из построек) или комьями глины. Можно, следовательно, реконструировать наусы в форме простейшей кубической постройки (рис. 19). Думается, что плоская кровля наусов была вымощена керамическими плитками, которые найдены

18. Наусы (варианты внутренней организации)

кое-где в завале и которым в статье Ставиского и др. приписывается назначение в качестве подставок под сосуды или крышек для них [41].

Наусы располагаются в массе довольно стихийно, отдельными постройками, будучи ориентированы самым различным образом, но кое-где склепы образуют ансамбли — цепочки, правильный ряд или компактную группу в виде карре.

Попробуем взглянуть на погребальные сооружения в свете предписаний религии.

На основании раскопок наусов Б. Я. Ставиский приходит к выводу, что погребальный обряд Согда VII—VIII веков близок, но не идентичен зороастрийскому. Это обряд «маздеистский, отличающийся от канонического зороастрийского погребального обряда большим сохранением языческих элементов». В частности, наличие в наусах сосудов и овечьих костей объясняется приношением в определенные дни года жертвенной пищи.

В религиозных трактатах Авесты и пехлевийских текстах содержится свод предписаний, касающихся процедуры погребения и погребальных построек. Прежде всего религиозный кодекс требовал очищения костей трупа от мяса, для чего надлежало выставить его на съедение хищным зверям и птицам. В качестве места, где совершается очищение костей, рекомендуются особые сооружения — «дахмы» или же холмы, возвышенные места [42]. До последнего времени подлинные дахмы в Средней Азии не известны, хотя по некоторым данным таковой служила хорезмийская Чильпык-кала (которая представляла собой отнюдь не специальное сооружение, а всего лишь круглую вершину холма, обнесенную глинобитной стеной и лишенную должного оборудования). В Калалы-Гыр (IV—III вв. до н. э.) под дахму были приспособлены гончарные печи [43]. Представляется вероятным, что открытая раскопками 1954 года близ Баласагуна сырцовая платформа с камерами и захоронениями в хумах могла одновременно нести функции дахмы

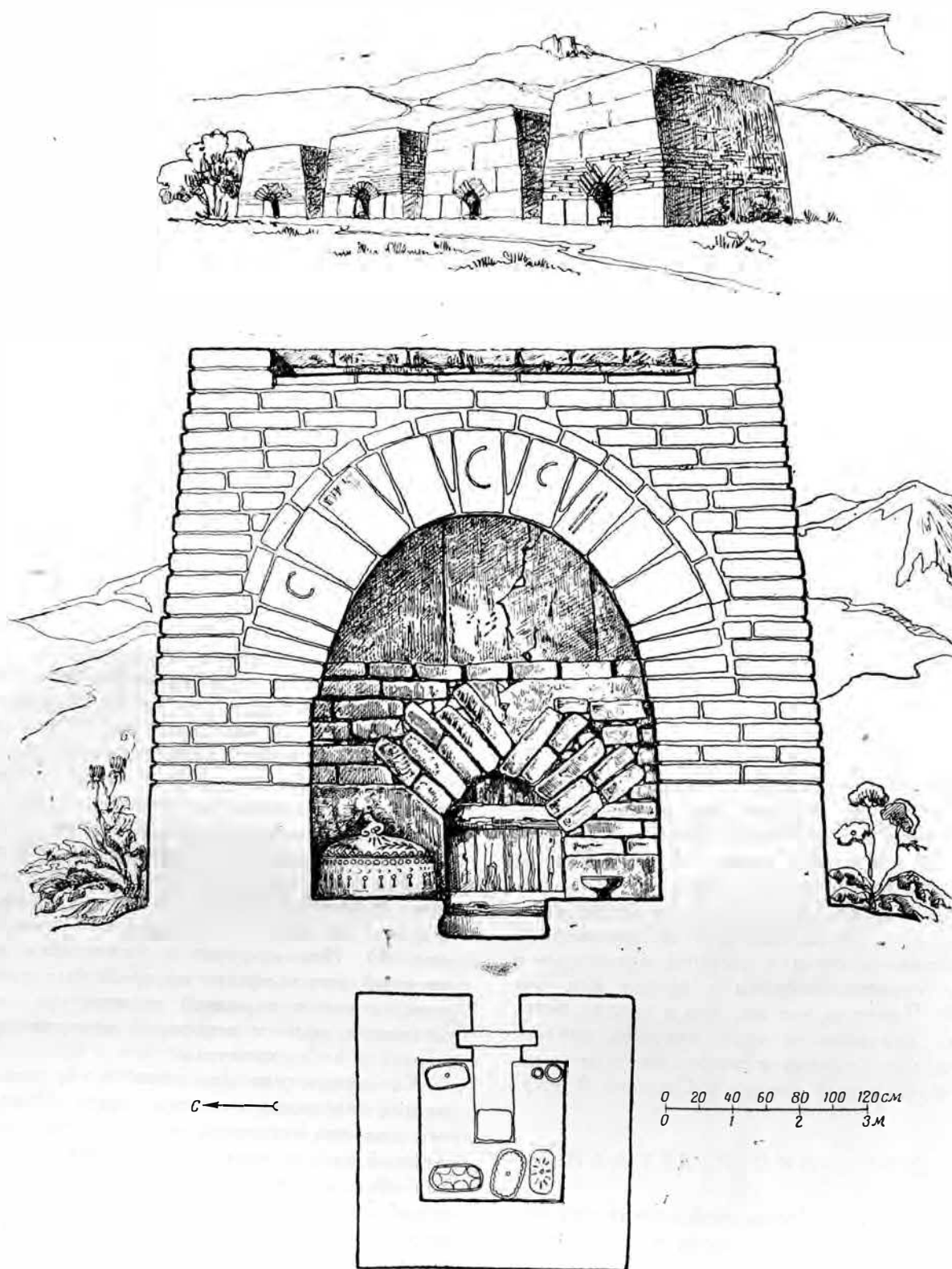
и науса. Отсутствие в Средней Азии специальных дахм, может быть, объясняется тем, что использование их не вязалось с обычаем оссуарного захоронения.

В древнем Пянджикенте ничего похожего на дахму пока не обнаружено. Исследователи некрополя находят возможным, что операция отделения мяса от костей производилась искусственным путем в наиболее просторной из построек некрополя [44]. Однако нам кажется, что такое суждение допустимо лишь частично, для каких-либо выдающихся случаев (обработка трупов высокопоставленных лиц) [45], так как производить процедуру очищения костей камеральным способом в массе не имело никакого смысла и вблизи имелось более чем довольно вершин, удовлетворявших предписаниям Авесты, — прежде всего уже упомянутая соседняя с цитаделью плоская возвышенность.

О наусах один из пехлевийских текстов содержит любопытное указание, что кости должны быть помещены в костехранилище, возвышенное над землей, укрытое крышей от дождя и тумана, защищенное от диких зверей, но в котором сделано отверстие для проникновения к ним света [46]. Это предписание может быть отнесено одинаково и к наусам и к астодам, так как последние в известных случаях являются уменьшенной копией первых, имея крышки и отверстия (иной раз довольно значительные, как, например, в оссуарии Афрасиаба, где прорез имеет форму полуоткрытой двери).

Интересно отметить, что указанные правила, по-видимому, трактовались весьма широко, распространяясь на иные типы построек, задолго до появления пехлевийских религиозных трактатов и довольно много спустя после укрепления мусульманства.

Так, можно проверить пехлевийский текст на формах гробницы Кира в Пасаргадах, которые вполне отвечают изложенным в тексте требованиям похоронного обряда и где особенно бросается в глаза высокий постамент, очевидно не только преследовавший цели зрительного эффекта. С другой стороны, среднеазиатский памятник феодального времени — мавзолей Исмаила Самани, который несет в своем облике много коренных древних традиций, одну из них отражает особенно ярко. Это — обилие света и воздуха, наполняющих внутренний объем здания, чем оно резко отличается от более поздних, мрачных и замкнутых образцов этой ветви строительства. Вероятно, в этой черте благородной постройки сказалось предписание о доступе света и воздуха к заключенному под ее куполом праху.

19 Наус. План, разрез, общий вид
Реконструкция автора

Б. Я. Ставиский стремится связать генеалогию мавзолеев Средней Азии с доисламской традицией склепов, и в отношении функции он безусловно прав [47]. Но с точки зрения архитектурной формы склепы эти были слишком скромными, чтобы питать фантазию строителей пышных среднеазиатских усыпальниц; по крайней мере они не могли служить единственным источником. Нам кажется более логичным искать продолжение доисламской традиции в форме наземных могил «сагана». Сагана, как известно, представляет собой сводик из обожженного кирпича, заложенный тем же кирпичом по торцам. Будучи разного размера, сагана может служить семейной могилой и пополняться по мере необходимости, для чего достаточно разобрать и вновь заложить ее с одного конца. Саганы характерны для областей с высокими почвенными водами, как Бухара и Хива, где они составляют обширные многоярусные кладбища. Нет ли в данном случае прямой преемственности от доисламских обычаев? Отличие от науса, по существу, сводится к тому, что сагана вмещает не гробики с костями, а самый труп. Следует заметить, что вообще формы наусов встречают широкие параллели в захоронениях с трупоположением. В принципе они близки каменным юртообразным склепам Ферганы, отмеченным уже членами Туркестанского кружка любителей археологии [48] и изучавшимся в последние годы отрядами Памиро-Ферганской экспедиции Академии наук СССР и Таджикской археологической экспедиции. В заключение отметим, что идея наземной могилы в форме склепа-камеры имела распространение и вне пределов Средней Азии. Таковы древние типы погребальных камер высокогорного Кавказа (Осетии, Сванетии, Хевсуретии, Балкарии и т. д.) с двускатной или четырехскатной кровлей, окном-лазом или дверцей, одиночным и групповым трупоположением в гробах или без гробов [49]. Принцип тот же, что в среднеазиатских саганах, различие же чисто внешнее, диктуемое материалом (камень и шиферные плиты на Кавказе, обожженный кирпич в Средней Азии).

6. КОНСТРУКЦИИ И ДЕТАЛИ

Конструкции. Стены пянджикентских построек выложены из пахсы, сырца и комбинированной кладкой. Крупный сырец прямоугольного формата (50—52 × 25—26 × 9 см) шел равно на кладку стен и сводов. Последние выполнялись «поперечными отрезками» или «ломтями». Прием поперечных отрезков имеет, очевидно, анти-

сейсмическое значение, делая конструкцию более эластичной. Распространенный на Древнем Востоке, этот метод был воспринят византийскими зодчими и стал одной из основ строительного искусства Византии [50]. В Пянджикенте практиковались также и купольные покрытия, одно из которых отчасти сохранилось в здании VI. Плоские балочные покрытия с земляной кровлей были такие же, как в строительстве Зеравшанской долины XIX—XX веков.

Все эти приемы отражают общие для Средней Азии закономерности развития строительной техники, освещенные в литературе более или менее обстоятельно [51]. Тем не менее раскопки пянджикентского городища играют для истории строительного дела значительную роль, так как здесь оказалось возможным уточнить данные о кладке сводов и пахсовых стен; более того, местное городище является пока единственным в Средней Азии археологическим памятником, где благодаря обугливанню удалось изучать в широких масштабах деревянные конструкции — покрытий, опор и дверных проемов. Наконец, здесь можно проследить черты определенной строительной школы, охватывающей строительные навыки восточных областей Средней Азии (хотя в то же время пянджикентская техника обладает некоторыми оригинальными чертами).

Архитектурные детали. Ценные сведения получены для истории среднеазиатского ордера. В руинах Пянджикента сохранились фрагменты колонн конструктивных и декоративных, из различного материала — камня, дерева и глины. Глиняные колонки из здания III позволяют представить облик такой колонны в ее полном виде: ствол ее, закругленный у основания, суживается кверху и увенчан капителью в форме колокола, отделенной валиком (см. рис. 4). Это — прочно сложившийся коренной местный тип колонны, который был устойчив и унаследован в народной архитектуре северных таджиков, причем некоторой модернизации подверглась лишь капитель.

Характеристика деревянного ордера пополняется находками горелого дерева. Оказывается, что колонна ставилась на четырехугольный, суженный кверху постамент. Найдены восьмигранная абак с прелестными модульонами по углам, подобная тем, которые венчали средневековые колонны Хивы [52], и прогон, снабженный утолщением и витком, имитирующими подбалку (рис. 20).

Особый интерес представляет вертикальное деревянное крепление выступающего угла на стыке двух стен. Таким способом были фикси-

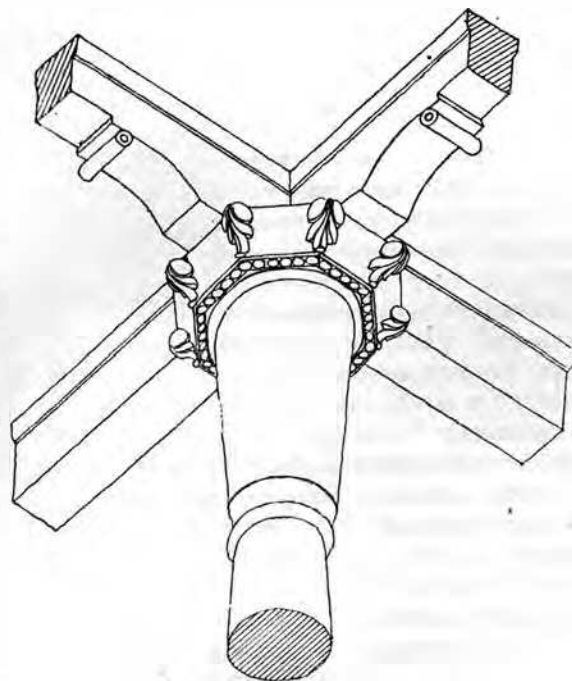
рованы выходящие на галерею и лицевой портик углы северного храма, в жилых зданиях — угол поворота кулуара. Столб, иногда значительного сечения, квадратного или круглого, в некоторых случаях, как можно заметить, оформлялся в виде колонны. Это открытие замечательно тем, что выясняет генетический прототип характернейшей детали монументального зодчества Средней Азии — так называемых «гюльдаста», угловых башенок в форме колонки. Гюльдаста играют не последнюю роль в художественном облике здания: они оформляют внешние углы порталов медресе самаркандского Регистана, придают особую прелесть ряду мавзолеев Шахи-зинда, без них невозможно представить себе мавзолеев Айша-биби. О поразительной силе традиции свидетельствует сложившийся в Фергане тип мавзолея XVIII—XIX веков, где гюльдаста, сформованные из алебастровых блоков и увенчанные фонарем, полностью имитируют деревянную колонну. Между прочим гюльдаста по преимуществу свойственны Мавераннахру.

Иногда декоративная форма придавалась очагам. Комнатные очаги данного периода, вообще говоря, могут быть разбиты на две категории: напольные и стеновые. Каждая из них образует в свою очередь формы утилитарную и декоративную. Так, первые могли представлять собой просто кучу насыпанных на полу углей или же более или менее оформленную площадку (как на Ак-тепе близ Ташкента или в джанбаскалинском «доме огня»); вторые могут быть выдолблены в стене (усадыбы Пянджикента) или выполнены как плоские ниши, архитектурно обработанные в виде камина — название чисто условное ввиду отсутствия дымохода. Таковы очаги, обнаруженные в зданиях III и IX пянджикентского шахристана (рис. 4, 21).

Пянджикентский камин находит обширный круг параллелей. Подобная форма очагов известна была в Хорезме (таким камином украшены некоторые жилые помещения Топрак-кала) [53].

Помещение с очагом открыто А. И. Тереножкиным на Афрасиабе. Идея устройства очага здесь та же: пристенная площадка и отвечающее ей оформление стены. Оригинальной чертой является включение полуовальных керамических плит, вмазанных в стену и площадку. А. И. Тереножкин считает помещение с очагом «домом огня», что дало Л. И. Ремпелью повод реконструировать очаг в качестве алтаря, связав его с тематикой рельефов некоторых афрасиабских терракот [54].

Наконец, подобные детали в виде архитектурно оформленной неглубокой ниши, очевидно та-

20. Фрагмент деревянного ордера в здании III.
Схематическая реконструкция автора

кие же «камины», обнаружены в жилых постройках Беграма (северный Афганистан) [55].

Из всех открытых очагов этого типа безусловно наиболее интересен по оформлению пянджикентский камин, и нетрудно заметить, что ишкардарский михраб является в сущности развитием его форм.

21. Декоративный очаг в здании IX.
Рисунок автора

В связи с предполагаемым культовым назначением афрасиабского очага возникает ряд вопросов. Надо ли допустить, что «камины» жилых построек были в какой-то мере наделены культовым смыслом, или, напротив, на основании многочисленных примеров этого рода в жилых постройках следует подвергнуть сомнению версию Тереножкина? Или же, наконец, одна и та же форма очага нашла применение и в жилых, и в культовых сооружениях? Все три предположения можно считать допустимыми. С одной стороны, вполне вероятно, что каминны могли в какой-то степени изображать домашний алтарь; с другой стороны, широким распространением данного типа очага в жилище в известной мере поколеблена версия Тереножкина (не говоря уже о том, что афрасиабское помещение скорее было молельней жилого дома, чем самостоятельным «домом огня»), наконец, едва ли подлежит сомнению, что одни и те же формы очага нашли применение в зданиях культового характера наряду с жилыми: одинаковые очаги-платформы отмечены в жданбаскалинском «доме огня» и в будничных помещениях Ак-тепе близ Ташкента, сходные пристенные очаги — в жилых зданиях Топрак-кала и Пянджикента, равно как и в предполагаемом культовом помещении Афрасиаба. Эти соображения подкрепляются этнографическими параллелями — средняя ниша топовой стены в мехмонхона узбекского и таджикского народного жилища, именуемая «мехооб» и обращаемая к западу, является рудиментом культового устоя.

Во всяком случае можно полагать совершенно бесспорным, что форма михраба как в Средней Азии, так и на мусульманском Востоке вообще в конечном счете происходит от деталей жилища, а не другого культового здания (апсиды христианского храма, буддийской ниши, как отмечается в зарубежной литературе) [56].

Существенной деталью являются ниши, особенно храмовые, которые служили рамкой для

22. Деревянная скульптура из здания III.

Рисунок Ю. Гремячинской

сидячей скульптуры; для нее в нише предусмотрены ступенька и небольшой уклон задней стенки. Ниши храмов были украшены живописными бордюрами. Край ниш жилых помещений изредка профилированы валиком. Ниша «комнаты с камином» здания III — единственная, где введено деление на полочки.

Изучение обугленных деревянных частей показывает, что проемы парадных залов имели резные деревянные наличники и художественно исполненные ажурные фрамуги. Употреблялись также как-то деревянные предметы обстановки. Это был скорее всего «тахт» — подобие «ката» в таджикском народном жилище, дощатого помоста, обнесенного с трех сторон невысоким решетчатым барьером. Тахт, по-видимому, помещался на эстраде парадных залов.

Скульптура и живопись. Зодчество древнего Пянджикента было тесно связано с изобразительными искусствами.

Монументальная скульптура, выполняемая из глины и дерева, объемом и барельефом передавала изображения человеческих фигур, божественных и мифологических персонажей. Были, по-видимому, весьма распространены изображения рыб и вообще водных существ (панель здания II и фрагменты резного дерева).

Интересна прекрасная деревянная скульптура, найденная в здании III. Особого внимания заслуживают две фигуры, из которых одна — женская (рис. 22), другая — может быть, мужская, высотой около 115 и 120 сантиметров. Обе,

если не считать утраченных рук, имеют неплохую сохранность. Прямолинейный профиль необработанной тыльной стороны этих скульптур свидетельствует о том, что они служили прежде всего архитектурной деталью, будучи прислонены к стене или какой-то деревянной части здания. Это подтверждают некоторые особенности фигур. Обе они изображены в одинаковой позе: правая рука была поднята, как бы поддерживая что-то над головой, левая опира-

лась на круто изогнутое бедро, правая нога слегка согнута в колене. Такая поза соответствует положению человеческого тела, несущего на голове значительную тяжесть, и указывает на то, что мы в данном случае имеем дело с кариатидами (или с кариатидой и атлантом). Мотив кариатиды был, повидимому, довольно широко распространен в Средней Азии; по крайней мере они фигурируют на биянайманских терракотах, и при описании мервского здания с изображениями мужчин и женщин речь идет несомненно о кариатидах и атлантах.

Деревянная скульптура в Средней Азии, отмеченная в письменных источниках, фактически впервые обнаружена в Пянджикенте.

Мастерски исполненная, богатая красками, насыщенная сюжетным содержанием настенная живопись обогащала архитектуру интерьера и фасадов зданий города. Фигуры персонажей достигали нормального человеческого роста и даже превышали его. Живопись нанесена на гладко затертую поверхность глиносаманной штукатурки клеевыми красками непосредственно или по тонкому алебастровому подслою; при этом отдельные части рисунка, покрытые не краской, а только клеевым грунтом, имеют соответственно белый цвет или светлый серо-коричневый оттенок натурального лёсса.

Живопись древнего Пянджикента имеет неопределимое значение не только как памятник искусства, но и как источник для изучения материальной и духовной культуры своего времени.

Орнамент. Архитектурная декорация шахристана, составляющая драгоценный вклад в историю среднеазиатского орнамента, представлена резьбой по дереву и росписью.

Живописный орнамент украшал решительно все части здания — стены, своды, ниши, а также, по-видимому, и деревянные потолки. Настенный орнамент играл организующую роль, ограничивая сверху и снизу поле сюжетной живописи, образуя панели (рис. 23) и фризы. Известен лишь один случай, когда стены помещения полностью заняты орнаментальной композицией; это — лоджия общественного комплекса здания VI, где стены расписаны изображением кувшина с ветками граната. Орнамент сводов за-

23. Живописная панель здания II.

С рисунка Н. Васильевой

полнял их целиком повторением какого-либо мотива.

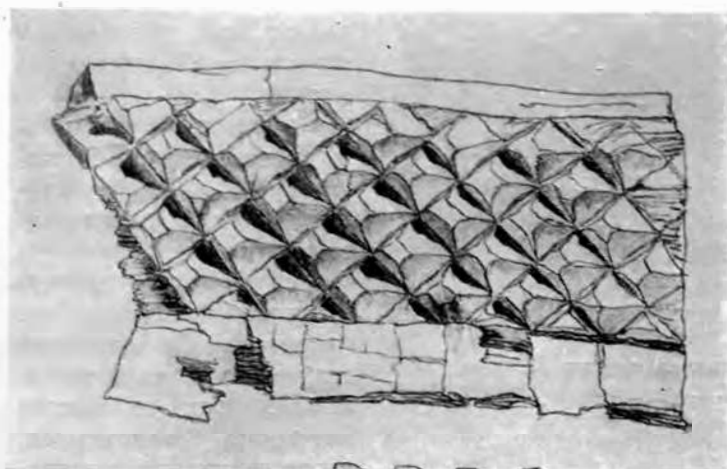
По рисунку различаются композиции геометрические, довольно элементарные, и растительные, которые обнаруживают, напротив, зрелую культуру орнамента (где следует особо отметить мотивы граната и тюльпана). Есть и третья категория орнаментов, которые нельзя причис-

лить ни к растительным, ни к геометрическим, а нужно скорее рассматривать как отголосок каких-либо изобразительных или даже архитектурных сюжетов (мотив ступенчатых зубцов, решетки и др.). Большую роль играли цепочки белых по черному фону перлов круглой или овальной формы. Манера выполнения — свободная, от руки, без шаблона и предварительной разметки, с неповторяющимися вариациями деталей [58].

Резное дерево древнего Пянджикента является самым ранним памятником этого вида орнамента в Средней Азии. Резьба покрывала части деревянного потолка, завершающие стену широкие фризы и детали колонн. Резьба обычно выделяется на плоском фоне невысоким и плоским рельефом.

Для отделки фризов и боковых граней прогонов существовали излюбленные мотивы бордюров. Из них особенно характерны род примитивной пальметты и насечка, напоминающая по фактуре еловую шишку или ананас (рис. 24); встречается четырехлепестковая розетка. В резьбе широких частей потолка распространен сюжет виноградной лозы с ее ягодами, листьями и усиками, трактованный с большим вкусом, орнаментально и в то же время реалистически (рис. 25).

Для пянджикентских орнаментов нетрудно установить, во-первых, их типичность для своего времени, во-вторых — их трансформации в дальнейшем развитии среднеазиатского орнамента. «Пальметты» и розетки весьма точно повторяются в резном дереве Шахристана, по-видимому одновременном. На биянайманских терракотах без труда можно узнать «насечку-ананас» (импост или подбалка над капителью колонки оссуария Кастальского) и особенно розетки. Мотив тюльпана и другие мотивы живописной декорации Пянджикента различаются в геометризованном рисунке варахшинского стука, гранат—

24. Фрагмент резного деревянного бордюра здания III.
Рисунок автора

в барельефах Топрак-кала [59]. Виноград встречается в ступе Варахши, а более ранним образцом является фрагмент оссуария с Мунчактепе [60]. Орнаментальные мотивы Пянджикента нетрудно проследить также в средневековом орнаменте Средней Азии и зарубежного Востока. Гранат и тюльпан, связанные с религиозными представлениями древности, доживают до наших дней в народном искусстве Таджикистана (особенно в настенных росписях его северных районов).

Разнообразный, исполненный фантазии, орнамент древнего Пянджикента является важным звеном в развитии архитектурной декорации

25. Резная доска из парадного зала здания III.
Рисунок Ю. Гремячинской

Средней Азии и одним из главных источников таджикского орнамента.

* * *

Итак, значение городища древнего Пянджикента как памятника историко-культурного, в частности архитектурного, огромно.

1. Это наиболее сохранный и единственный систематически изучаемый город Согда, тем самым — основной (и почти единственный) источник сведений по архитектуре Согда.

2. Как согдийцы были предками таджиков, так памятники Пянджикента, одного из главных городов Согда, являются в значительной степени источником развития таджикского зодчества в его формах, деталях и орнаменте. Современная народная архитектура северных таджиков выступает как прямое наследие этой архитектуры: ее конструкции, формы, детали нередко представляют собой почти повторение древних приемов. Сила народной традиции не была сломлена арабским нашествием, и национальное искусство ведет свое происхождение от исконных местных корней, свидетельствуя о неразрывности культурного развития.

3. Древний Пянджикент вместе с тем занимает исключительное место в истории материальной культуры, искусства и архитектуры Средней Азии в целом. Это — раннесредневековый город-комплекс, объединяющий полный цикл разнородных сооружений, где представляется возможность изучать общие среднеазиатские и местные черты. Строительные памятники его дали чрезвычайно много для выяснения уровня среднеазиатской строительной техники. Наделенный богатыми архитектурными формами и высокой техникой искусства, древний Пянджикент представляет собой один из лучших памятников среднеазиатской древности.

4. Значение открытий в Пянджикенте, наконец, далеко выходит за рамки археологии Средней Азии, да и Советского Союза. Это — капитальное доказательство самобытности культуры народов Средней Азии, ее древности и высокого уровня. Произведения архитектуры и искусства Пянджикента встречаются аналогии далеко за пределами СССР — в Восточном Туркестане, Индии, Иране — и находят свое место в широкой исторической взаимосвязи, свидетельствуя о взаимодействии культур древнего Востока.

По своему художественному и историческому значению памятники Пянджикента составляют ценнейший вклад в историю мирового искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А. Ю. Якубовский. Итоги работ Таджикской археологической экспедиции за 1948—1950 гг. — Труды ТАЭ, т. II (МИА, № 37). М.—Л., 1953, стр. 10.
2. Раскопки древнего Пянджикента ведутся с 1947 г. Таджикской археологической экспедицией Ленинградского отделения Института истории материальной культуры Академии наук СССР и Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР (прежде Тадж. ФАН), возглавляемой до 1953 г. членом-корреспондентом Академии наук СССР А. Ю. Якубовским, затем М. М. Дьяконовым и в настоящее время А. М. Беленицким. Руководство работами в Пянджикенте осуществляется А. М. Беленицким, архитектурное наблюдение — автором настоящей статьи.
3. См.: «Труды СТАЭ», т. I (МИА, № 15). М.—Л., 1951; «Труды ТАЭ», т. II (МИА, № 37). М.—Л., 1953.
4. А. Ю. Якубовский. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии. — «Труды Тадж. фил. АН СССР», т. XXIX, стр. 12; А. М. Беленицкий. Из археологических работ в Пянджикенте 1951 г. — «Советская археология», XVIII. М., 1953, стр. 341 и др.
5. В. В. Бартольд. История Туркестана. Ташкент, 1922, стр. 12.
6. С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 240.
7. А. Н. Бернштам. Археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая (МИА, № 26). М.—Л., 1952, стр. 97 и сл.
8. М. Е. Массон. Южно-туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. — «Труды ЮТАКЭ», т. II. Ашхабад, 1951, стр. 41—43, рис. 37.
9. В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II. СПб., 1900, стр. 102, 157, 161, 167.
10. В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, стр. 62, 64.
11. М. Наршахи. История Бухары. Перев. Н. Лыкошина под ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897, стр. 69. На это место текста опираются в своих выводах В. А. Лавров (указ. соч., стр. 53) и А. Ю. Якубовский (Главные вопросы..., стр. 14; История Узбекской ССР, т. I, кн. 1. Ташкент, 1955, стр. 181, 182).
12. М. Наршахи, указ. соч., стр. 69.
13. А. Ю. Якубовский. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с восточной Европой в X—XV вв. — «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I. Л., 1933, стр. 4; А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 38, 39; В. А. Лавров, указ. соч., стр. 50, 52.
14. М. Е. Массон, указ. соч., стр. 47—49; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 352 и др.
15. А. Ю. Якубовский. Древний Пянджикент. — В кн.: По следам древних культур. М., 1951, стр. 219; его же: Вопросы изучения пянджикентской живописи. — В кн.: Живопись древнего Пянджикента. М., 1954, стр. 9, 10.
16. А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. — «Труды СТАЭ», т. I, стр. 42.
17. А. Ю. Якубовский. Древний Пянджикент, стр. 258.
18. МИТТ, т. I, стр. 173.
19. А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у агнобцев. М.—Л., 1940.
20. История Узбекской ССР, т. I, кн. 1, стр. 180 и сл.; А. М. Беленицкий. Из археологических работ..., стр. 341 и др.
21. См. В. И. Пилявский. Сырцовые сооружения древнего Мерва. — В кн.: Новые исследования по истории архитектуры народов СССР. М., 1947, рис. 5—9.
22. См. Труды СТАЭ, т. I, табл. 5; Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955, стр. 77, рис. 37; А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины, стр. 60.
23. МИТТ, т. I, стр. 151, 172; К. А. Иностранцев. О домусульманской культуре Хивинского оазиса. — «Журнал Министерства народного просвещения». 1911, февраль, стр. 309; Alberuni. Chronologie orientalischer Völker. Ed. E. Sachau. Leipzig, 1878, стр. 234, 235.
24. С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 315.
25. У нас нет пока оснований приписывать общественные функции залу здания VII, как это делает А. М. Беленицкий. (См. его статью «Из археологических работ...», стр. 335).
26. А. Н. Кондауров, указ. соч., стр. 23, 64, 65; Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у таджиков Вахио-боло. Л., 1936, стр. 115—119.
27. А. М. Беленицкий. Из археологических работ..., стр. 328, 329.
28. Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент, 1935, стр. 34, 35; В. Чепелев. Античная стадия в истории искусства народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 59.
29. С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 95—98, 142, табл. 34.
30. Г. А. Пугаченкова. Храм и некрополь в парфянской Нисе. — «Вестник древней истории». 1955, № 3.
31. А. Н. Бернштам. Чуйская долина. — МИА, № 14. М.—Л., 1950, стр. 51 и сл., табл. VII; Г. А. Пугаченкова. Буддийская кумирня в Мерве. — КСИИМК, вып. 54. М., 1954.
32. Л. Р. Кызласов. Работы Чуйского археологического отряда в 1953—1954 гг. — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. 26. М., 1957.
33. А. Ю. Якубовский. Древний Пянджикент, стр. 255 и сл.
34. М. М. Дьяконов. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии. — КСИИМК, вып. 40, стр. 44; А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии и культуры Согда по материалам пянджикентских храмов. — В кн.: Живопись древнего Пянджикента, стр. 64.
35. Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская. Пянджикентский некрополь. — «Труды ТАЭ», т. II, стр. 92, 93.
36. См.: С. Ф. Ольденбург. Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 года. СПб., 1914; A. Godard. Les monuments du feu. — «Athar-é Iran», v. III, fasc. 1. Paris, 1938; K. Erdmann. Das Iranische Feuerheiligtum. Leipzig, 1941 и др.
37. D. Schlumberger. Le temple de Surkh Kotal en Bactriane. — «Journal Asiatique», v. CCXL. 1952, fasc. 4.
38. С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 79, 80, 150; А. Н. Бернштам. Чуйская долина, стр. 28, 31, 32.
39. В 1936 и последующих годах на пянджикентском городище производил в небольших масштабах раскопки сталинабадский археолог В. Р. Чейлытко.

40. Исследованием наусов занималась группа сотрудников ТАЭ, возглавляемая Б. Я. Ставским. Результаты работ 1948—1950 годов опубликованы в указанной выше работе Б. Я. Ставского, О. Г. Большакова и Е. А. Мончадской (цифровые данные, которой приведены в настоящей статье). В 1954 г. Б. Я. Ставский защитил диссертацию на степень кандидата наук на тему «Пянджикентский некрополь как памятник культуры Согда VII—VIII вв.».

41. Б. Я. Ставский и др., указ. соч., стр. 83.

42. SBE, т. IV, стр. 52, 53; т. XVIII, стр. 43.

43. С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 71, 72; его же: Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР 1950 г. — «Советская археология», XVIII, рис. 14, 15.

44. Б. Я. Ставский и др., указ. соч., стр. 80.

45. У Наршахи мы находим указание, что труп убитого бухар-худата обрабатывался его слугами. См. указ. соч., стр. 80.

46. SBE, XVIII, стр. 33, 34.

47. Б. Я. Ставский и др., указ. соч., стр. 95.

48. К. А. Рудаковский. Сообщение о циклопических постройках в Фергане. — «Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии». 1898, стр. 233—235 и др.

49. А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции. — «Известия Российской академии истории материальной культуры» т. IV. Л., 1925; Л. И. Лавров. Из поездок в Балкарию. — В кн.: Советская этнография. М., 1939, и др.

50. См.: A. Choisy. L'art de bâtir chez les byzantins. Paris, 1885, стр. 156.

51. В. А. Воронина. Архитектурные памятники древнего Пянджикента. — «Труды ТАЭ», т. II; ее же: Древняя строительная техника Средней Азии. — В кн.: Архитектурное наследие, сб. 3. М., 1953.

52. В. А. Воронина. Резные колонны мечети Бакбонли в Хиве. — КСИИМК, вып. 61.

53. С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР 1945—1948 гг. — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I. М., 1950, рис. 26.

54. Л. И. Ремпель. Изображение «дома огня» на двух терракотовых плитках с Афраснаба. — «Доклады Академии наук Таджикской ССР», вып. 9. Сталинабад. 1953, стр. 27, 28, рис. 3.

Данная Л. И. Ремпелем реконструкция не представляется бесспорной. Так, например, столбы или колонны афраснабского «дома огня» несли, разумеется, потолок, а не балдахин, как показано на рисунке. Относительно «заслонок» представляется более правдоподобным, что они служили именно как таковые, т. е. ими закрывались такого типа небольшие каминные, какие обнаружены в пянджикентских усадьбах.

55. K. Girchman. Begram. Le Caire, 1946, рис. 16, 17.

56. E. Diez. Mihrâb. — «Encyclopedie de l'Islam», v. III. Paris, 1932, стр. 551.

57. МИТТ, т. I, стр. 151.

58. Подробнее см. в статье автора «Архитектурный орнамент древнего Пянджикента». — «Труды Академии наук Таджикской ССР», т. XVII.

59. В. А. Шишкин. Архитектурная декорация дворца в Варахше. — «Труды Отдела Востока Эрмитажа», IV. Л., 1947, стр. 241 и др., рис. 17, 27, 62, табл. VI; его же: Варахша. — «Советская археология», XXIII. М., 1955, рис. 12; С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР 1950 г., рис. 7.

60. В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. — КСИИМК, XIV, вып. рис. 50.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

СТАЭ	— Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция.
ТАЭ	— Таджикская археологическая экспедиция.
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
МИТТ	— Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I. М.—Л., 1939.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
SBE	— The Sacred Books of the East, F. Müller (сост.). Oxford.

Обмерные чертежи, помещенные без указания источника, выполнены автором по обмерам участников Таджикской археологической экспедиции (обмеры на рис. 8, 9 и 13 были опубликованы ранее другими лицами по чертежам, выполненным без контроля автора и содержащим логрешности).